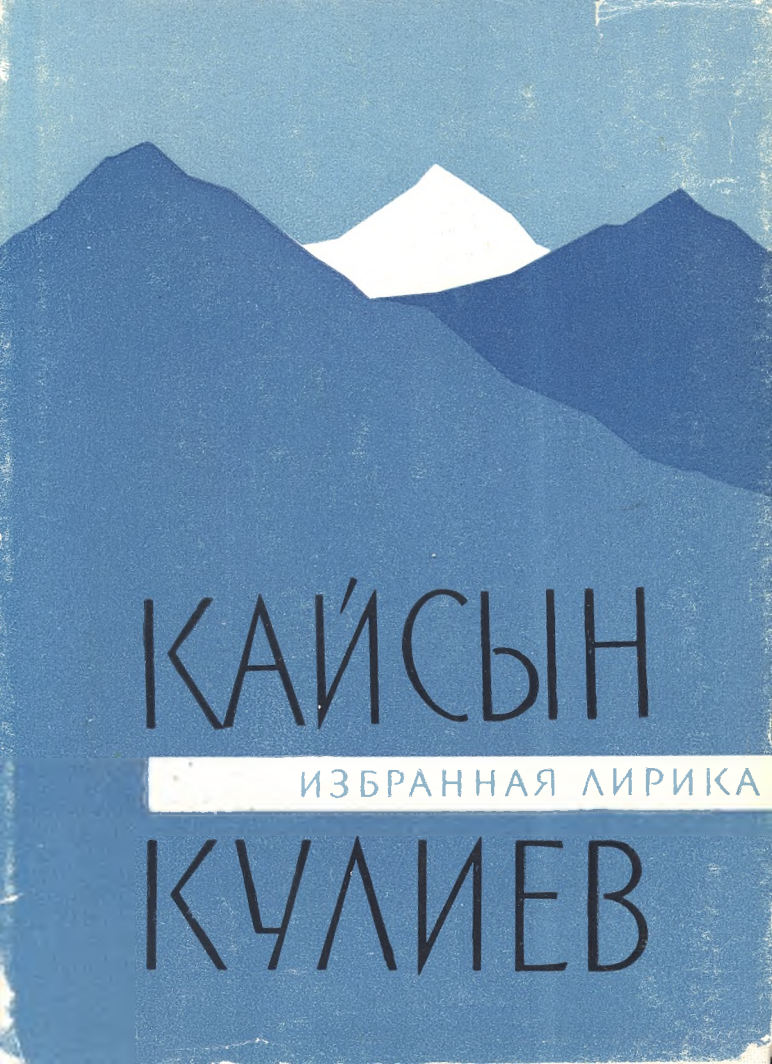

A stylized illustration of a mountain range. The mountains are depicted in dark blue silhouettes against a lighter blue background. The central peak is highlighted with a white, snow-covered top. The overall style is minimalist and graphic.

КАЙСЫН

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

КУЛИЕВ

Кайсын Кулиев

*Избранная
лирика*

Перевод с балкарского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1967

С(Балк)2
К90

Вступительная статья
ВЛАДИМИРА ОГНЕВА

Оформление художника
И. КРИЧЕВСКОГО

7—3—3

154—66

О ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

В народной песне, записанной Кайсыном Кулиевым в Чегемском ущелье у знаменитого певца Эттеева, говорится о том, как старый горец просит сына своего, если доживет тот до времени, когда на земле человек не будет притеснять человека, — встать над отчей могилой и крикнуть погромче. Не так тяжелы тогда будут серые камни над ним...

Давно ждет старый горец... А внуки, правнуки, дети детей его передают из рода в род эту песню. Говорят, написал ее большой поэт — Кязим Мечиев, а народ сделал своею. Но и Кязим был сыном

народа, гордился тем, что слыл учеником неизвестных мастеров поэтического слова.

Учеником Мечиева считает себя сегодня и лучший поэт балкарцев Кайсын Кулиев.

Корни его поэзии там, в недрах балкарской народной лирики, напоенной светом души народа, ароматом родной земли, силой жизни и верой в победу справедливости. «Их платье было в заплатках, но в душе сияли звезды», — сказал Кулиев о безымянных певцах — пастухах и землепашцах, оставивших после себя удивительные песни. И еще так сказал он, будто продолжая этот образ: «Поэт должен согреваться у очага простых людей и согревать их в свою очередь огнем своей поэзии». Таково поэтическое кредо Кулиева.

Кайсын Кулиев родился в 1917 году в старинном горном ауле Верхний Чегем на снежной границе Балкарии и Сванетии. На скалах Битикле над самым аулом нависла знаменитая Гранитная лестница, а вдали, когда солнце сгонит утренний туман, на фоне неба и белеющих вершин возникают воинственные очертания легендарных сванских башен. Отец поэта сра-

жался с Деникиным, потом умер от тифа. Горцы-партизаны с боями отступили в Сванетию. С ними ушел племянник отца Токуш Кулиев. Его по дороге смело снежным обвалом, и труп нашли только через год. Двухлетний Кайсын выходил на крышу саки и, став лицом к горам, кричал: «Ой, Токуш! Иди домой!» Обо всем этом позже вспоминал поэт с чувством горестным и гордым. С детства его окружала величественная природа — бурные реки в темных пропастях, голубые зеркала озер, в которых до дна отражается всадник, проехавший мимо, нежные цветы на фиолетовых по утрам и красноватых по вечерам скалах, слепящие ледники, с которых берет начало дышащая холодом река Чегем, а «в нее с головокружительной высоты бросаются водопады, точно туры, преследуемые охотниками». Детство Кайсына было суровым, как детство любого горца. Он рано узнал, что значит голод, холод, труд, заботы, какова цена мужеству, верности слову. Он умел вязать хворост, крепить его на спине ослика еще до того, как научился хорошо говорить, а в то время как городские деги начинают выводить

по складам слово «мама», он выводил коня из конюшни и скакал на нем без седла. Маленьким Кайсын пас овец и коз на крутых склонах, срывался со скал над пропастью и чудом оставался в живых, ночевал в огромной пещере, когда взрослые пастухи уходили в аул на свадьбу... Его не раз избивали, когда стадо уходило в туман, а он мог лишь, всхлипывая от горя, кричать в горах, слушая собственное эхо... Но было в этом детстве и такое, что ни на какие радости, наверное, не захотел бы променять Кайсын — было летнее небо в стадах звезд, когда лежишь на крыше сакли, было море цветов, шевелящихся под ветром, были песни, которые не только слушал Кайсын. Он очень любил петь их, вскоре прослав в Чегеме маленьким ашугом. Не раз сидел он на взрослых пирах по правую руку тамады, едва доставая носом до нижнего гозыря его бешмета...

Вначале это были чужие песни. Интересно, что первое печатное стихотворение, которое поразило Кайсына своей красотой, был пушкинский «Узник» в балкарском переводе. Любопытно и первое

знакомство Кулиева со стихами другого великого русского поэта — Лермонтова. Печник, полурусский, полутатарин, который клал печь в сакле Кулиевых, напевал: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана...» Прошло много лет, и зимой 1941 года под заснеженной Москвой боец-парашютист Кайсын Кулиев читал лермонтовского «Калашникова» примолкшим солдатам. У костра сидели и русские, и горцы, и казахи, и украинцы... Томик любимого поэта, рассказывал Кулиев, всю войну находился в его полевой сумке.

Русская поэзия оказала большое влияние на формирование таланта Кулиева. Русская культура для него была, по выражению другого горского поэта, аварца Расула Гамзатова, «второй матерью», «вторым крылом орла». По-русски впервые прочитал Кайсын Шевченко, Лорку, Петефи и других поэтов, о которых он потом скажет: «Они были со мной повсюду».

Четырнадцать книг Кулиева вышло на русском языке, и во многих названиях его сборников мы найдем слово «горы»: «Горы», «Я пришел с гор», «Огонь на горе»,

«Горская поэма о Ленине»... Это постоянство — не от бедной фантазии, а от приверженности к тому, что он знает и любит больше всего, что — его природа, без чего он не жил бы на земле... Его поэма о Ленине именно *горская*, потому что *такого* Ильича мог написать только горец, и никто иной. В стихотворении «Первый урок», например, сила и бесконечная жизненность идеи Ленина выражены с аскетической простотой, свойственной и горскому мироощущению, и рисунку народной песни. «Я помню, дрова горели и шел за окошком снег. Я сильной такой метели еще не видал вовек». Этот зачин станет символом «памяти о детстве» и контрастным выводом о холоде и зле жизни, о путанице «метели», которую побеждает тепло очага, свет идеи:

Тетрадь лежит на коленях,
Волнуюсь, едва дышу,
Пишу под диктовку: «ЛЕНИН»...
Не знаю, о ком пишу...

(Перевод Е. Елисеева)

Последняя строка дороже целых верст
стихотворных од — великое надо понять,
освоить, подняться до него, сделать сво-

им... «Но было мне как награда узнать через много дней: в том слове — святая правда, и нет ничего сильнее». Так, девочка, шагнувшая из метели и диктующая слово «Ленин», навеки сливается с теплом бедного очага, который скромнен и прост, но в котором — «дрова горели», таилась сама жизнь...

«Хлеб и роза», «Земля и песня» — в названиях книг Кулиева красота и правда, красота и земные заботы всегда идут об руку. Он не забывает о земле хлеба, тепла, потому что в этом прежде всего для него и заключается красота. Он воспевает «трудолюбивые руки», что выпестовали человека, благодарит ночи, которые охлаждают в зной труженика, вместе с луной вспоминает, как та взглянула в лицо друга, умиравшего в окопе. Да и сама природа в стихах К. Кулиева не «вообще» красива, а прежде всего человечна. И это высшая красота. Когда трава затягивает раны земли, покрывая «порох, кровь и пот», когда коровы с набухшим выменем «солнцем сыты, молоком богаты», несмотря на грохот ближней передовой, — это красиво потому, что здесь — жизнь в ее

«первозданной силе». Природа не может не вторгаться в стихи горского поэта, она переливается всеми красками. Но голосами природы говорит сама естественность, сама правда.

Вот в чем смысл этих строк:

Стиху — не золото, не праздничный
убор,
Не комнатная сытость и покой,
Стиху — простор степей, и воздух
вольных гор,
И даль дорог, и небо над рекой.

(Перевод Л. Шиффера)

В современной поэзии, особенно в молодежно-риторическом направлении ее, дали, дороги, ветры странствий весьма абстрактно противопоставляются «комнатной сытости и покою». Но для народного представления о долге человека (что, скажем, прекрасно выражено в стихах А. Твардовского, Р. Гамзатова или К. Кулиева) характерно совсем иное противопоставление. Ценна не сама по себе «дорога», но дорога к правде. Утверждается не абсолютное пренебрежение к «сытости», ибо с «сытым» героем Кулиев и ему подобные вообще дел не имеют, а предпо-

чтение естественной жизни всяким разнообразиям жизни искусственной — догматизму, бездушию, ограниченности, иными словами, паразитизму всякого рода. В этом органическом неприятии всего неживого и нежизненного, навязанного и искусственного, выдуманного и вымученного, и, напротив, в радушном приятии всего реально существующего, здорового, природного — народная основа мироощущения К. Кулиева, основа реализма его творчества.

Есть чудо поэзии: со времен Гомера из элементарных чувств, простых надежд, цельных красок повторяется, воссоздается жизнь. Такие поэты бегут деклараций. Они бесконечно преданы живой жизни, ранены ее красотой, в ней самой находят мудрость. К. Кулиев — из их числа. Здесь говорят основы бытия: небо, жизнь, дождь, птицы, камни, смерть, хлеб, ветер, любовь, боль, холод, верность... Тут нет ничего зыбкого, импрессионистического, туманного, изощренного. Все просто, крупно, отчетливо, определено.

И снова входит жизнь в свои права,
Я царь земной и бог, сошедший с неба,

Мы часто говорим о современности, о новаторстве, о стиле искусства XX века. И в далекой Балкарии, в недрах фольклорных традиций поэзии К. Кулиева зреет это *новое*, не отрицая ни самобытно-национальной формы стиха, ни устойчиво «традиционных» форм поэтики. Это новое, современное — в лаконизме и конкретности образов, в экспрессии, в расширении роли подтекста, в скупости проявления чувств. Но новое встречается здесь с очень старым. И совсем не так просто разъять в форме лирики Кулиева элементы нового и вечного. Да и надо ли? Да и можно ли это сделать? Ведь стих — живой организм. И в зеркале его «души» одновременно видим мы многое: сегодняшнее и историческое, далекое и близкое, а где-то на туманном «втором плане» и маячащее завтра... Простое кажется только простым, но это — одно из заблуждений.

Все тихо. На деревьях белизна,
И с каждою секундой мне яснее,
Что это не снега, а письма, а
Которые читать я не умею.

(Перевод Н. Гребнева)

Так говорит поэт о могучем даре природы «запоминать» все виденное на своем веку. И кто знает, чего здесь больше — древнего, как мир, пантеизма или опыта века, с его уплотненной памятью и откровениями кибернетики? Мы живем напряженно — сто жизней в одну. И, может быть, поэтому почти в каждой лирической миниатюре Кулиева вмещается *вся жизнь* человека, и очень редко — одно состояние души. Если перед нами дорога, то она будет пройдена до конца, если река, то от истока до устья... В этом отношении Кулиев, как Твардовский, Гамзатов, Марцинкявичюс и некоторые другие крупные поэты современности, тяготеет к «эпической лирике», где личный опыт ведет к познанию опыта исторического и стремится найти для этого форму наиболее «объективную».

У Кулиева, верного традициям горской лирики, даже образ неподвижного камня становится средоточием мыслей о движении времени, о законах беспокойной жизни. Два каменщика упорно трудятся: один делает жернов, другой — надгробие... Камень, гревший в детстве ноги ребенка,

становится к старости человека его могильной плитой... В приходе нового поэт видит не смерть, а преемственность живого:

Течет река, со склонов снег сползает,
Жизнь движется, вперед влечет меня.
Я вижу: друг седой с коня слезает,
А молодой садится на коня.

(Перевод Н. Гребнева)

Тонко, не навязчиво умеет поэт передать ход времени, где что-то вечное всегда остается, но что-то новое неумолимо вторгается в мир привычных представлений и измерений:

Во дворе идет дождь,
как тысячу лет назад,
в огородах старого аула
зеленеет кукуруза, как прежде.

А я рассказываю мальчику
о том, как человек высоко
поднялся, уходя в космос.
Удивляется мальчик в ауле.

Я рассказываю и вижу,
как дождь мочит зелень кукурузы,
шумно проходя над тихими домами
аула, как тысячи лет назад...

(Подстрочный перевод)

Поэзия Кулиева бесконечно добра к людям. Знаменательно, что веками воспитываемая жестокость и культ силы оставили душу современного горца. На смену им пришли безграничность человечности («Земля — наш дом родной, единый дом», «Чужбины для подвига нет») и та отзывчивость боли, та острота чувства, без которой нет художника, особенно художника XX века:

Безоблачные сны, как вас легко
Развеять дальним отголоском грома,
Который хоть и грянул далеко,
А все ж и моего коснулся дома.

Пусть над одним утесом гром гремит,
Не может и другой стоять в покое.
Нетронутое дерево скорбит,
Хоть люди рубят дерево другое.

(Перевод Н. Гребнева)

Судьба была сурова к поэту и его народу. Балкарцы в годы культа Сталина были вынуждены покинуть край отцов. «Жить привелось мне без родной земли...» «Душою онемелой» мысленно следил поэт за тенью орла, годами лишь во сне видел белый купол Эльбруса... Недаром одна из

книг Кулиева носит название «Раненый камень». Трудно сильнее сказать о боли и о стойкости.

Но «мужество» не случайно стоит для поэта «на первом месте», рядом с «человечностью». Его боль всегда целомудренно спрятана и ощущается лишь в реакции на чужую. Но разве для поэта бывает «чужая» боль?

«Растет ребенок плача» — есть
пословица.

Но если плач ребенка слышу вдруг,
Так больно сердцу моему становится,
Как будто горы в трауре вокруг.

Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

(Перевод С. Липкина)

Я не знаю, есть ли еще стихи о войнах такой силы, как это восьмистишие Кайсына Кулиева:

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

(Перевод Н. Гребнева)

В системе представлений о жизни, как процессе разумном, естественном и органичном, так же просто и ясно находит свое место проблема искусства. Первое, что отмечает Кулиев, он — за «разносторонность и отзывчивость поэта». И «совершенно отвергаю узость в этом отношении и нервную веронетерпимость», — говорит он в своей автобиографии. Со значением пишет Кулиев о величии скал перед суетой поэтов. Искусство он меряет жизнью, народными интересами. Он любит мировую культуру, понимает ее. Ему не по пути с воинствующими невеждами, вздрагивающими при слове интеллигент. Кулиев не замкнут в Чегемском ущелье. Он знает, что и за горным хребтом продолжается мир. Его волнует судьба Лермонтова и Лорки, музыка Бетховена и Шопена. (Любопытно, что Бетховен у него носит приметы горца, близок ему по духу. Он так писал, говорит Кулиев, буд-

то по ночам громоздил горы друг на друга и ходил меж ними одинокий...) Поэт кланяется земле — в ней лежат умные мастера жизни, честные сердца, расширившие мир, сделавшие его светлее. Жестокая память поэзии Кулиева сохранила и еврейскую девочку, которую фашисты сожгли живьем, и Лумумбу, и печи Освенцима, и пепел Хиросимы...

Книга, которую читатель держит в руках, — пятнадцатый сборник стихов К. Кулиева на русском языке, а печататься он начал в 1934 году, накануне приезда в Москву. Если вычеркнуть годы войны и ссылки, Кулиев не так уж много лет отдал творческому труду. Но рост его духовных и творческих сил, особенно в последние годы, с середины 50-х годов, свидетельствует о том, что балкарский поэт имеет большой запас поэтической силы, которая далеко еще не реализована. Стоит сравнить, скажем, книгу «Мои соседи» с «Раненым камнем», чтобы понять, как далеко шагнул Кулиев в поэзии за два десятилетия. «Мои соседи» по эстетике, по степени зрелости мастерства и гражданского мышления можно поставить рядом с

«Деревенской хроникой» А. Твардовского, «Братской поэмой» Э. Межелайтиса или такими стихами Р. Гамзатова, как «Вера Васильевна», «Москвичи», «Семья инженера», «Встреча в горах». Столяр, фельдшер, кузнец, мельничиха, бригадир, учитель у К. Кулиева хотя и носили имена, оставались «номенклатурой», профессиональным знаком человека, а мысль поэта не проникала в глубь характера, в подлинное существо конфликтов даже в тех редких случаях, когда эти конфликты намечались. Что ж, время не проходит даром, оно учит всех. Сегодня поэзия простилась со многими иллюзиями, стала взрослее, серьезнее. Но в тех очерковых, во многом наивных произведениях 40—50-х годов, о которых выше шла речь, поэты тоже учились — они проходили грамоту реальности, «шли на натуру», говоря языком живописцев, в то время как многие стихотворцы в те годы вообще игнорировали жизнь, занятые искусственным ее конструированием. В последних стихах К. Кулиева живет зрелость художника и мужа, благородное понимание того, что процесс, начатый однажды, развивается, что поэзия

тоже не может стоять на месте и не будет оставаться ни там, где она была еще вчера, ни там, где она находится сегодня.

Я задохнусь однажды под снегами,
Но погребет не всех людей обвал,
Поток, который сдвинет с места камень,
Не сможет сдвинуть с места гор и скал.

Боль, что моей предсмертной болью
будет,
Идущих вслед за мной не свалит с ног.
Достигнут в должный срок другие люди
Вершин, которых я достичь не мог.

Непройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне, бывало,
Отыщут молодые мастера.

(Перевод Н. Гребнева)

Зрелые стихи Кулиева самобытны в образности, наглядны до пронзительности. Они идут от нелегкого опыта, они лаконичны и выразительны, как народная мудрость. «Поэт греется у огня всюду, где пекут хлеб и живут люди»... «Мертвые лежали. Снег падал в их открытые рты»...

«Время мчится, как конь, у которого погиб всадник»... (Подстрочный перевод.)

Вот образ смерти:

Не встречу я первого снега,
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Стряхнуть не смогу у дверей.

(Перевод Я. Козловского)

Вот воспоминание: мать вносит с мороза «заскорузлые, отлитые льдом початки кукурузные»... А вот жест, доступный лишь смелому поэтическому воображению: поэт бросает цветок «через века и вершины» — грядущему...

Поэзия Кайсына Кулиева — мужественная и человечная — дорога нам душевной стойкостью и спокойным достоинством.

Если радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее.
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

(Перевод Н Гребнева)

...Предки Кулиева сложили легенду о горце, жаждущем мира справедливости.

Кулиев, наш современник, помнит эту легенду и со всей страстью поэта борется за то, чтобы сказка стала явью, чтобы человечество «крикнуло погромче» над серыми могильными плитами жертв истории... И чтобы горе и зло на земле остались только в легендах.

Владимир Огнев

1935—

1941

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!

Сергей Есенин

ПЕСЕНКА
ГОРНОЙ РЕЧУШКИ

— горная речушка,
Всю жизнь я тороплюсь.
Эй, где же ваша кружка?
Попробуйте на вкус!

Я услужить вам рада,
Отведайте глоток.
Во мне снегов прохлада
И камня холодок.

Бегу я мимо рощи,
Пересекаю луг,
И тень свою полощет
Во мне зеленый бук.

Мой голос чист и звонок,
Струя моя синя.
И буйвол и ягненок
Напились из меня.

Сегодня спозаранку
Поила я вола
И смуглую горянку
Отмыла добела.

Бегу не уставая,
Не чуя берегов.
Я только вестовая
Заоблачных снегов.

И пена, точно стружка,
Единственный мой груз.
Я — горная речушка,
Я к морю тороплюсь.

Такой у нас характер,
Капризен и упрям.
Но, говоря по правде,
Без нас не быть морям.

Утро мне всего милее.
Я люблю глаза ребячьи,
Осовелые спросонок.
Утро мне всего милее.
Я люблю в окно послушать
Птичий гомон и возню.
Скоро в комнате запахнет
Свежевыпеченным хлебом
И вареной кукурузой
И согреется подойник
От парного молока.

ВО ДВОРЕ

Мать принесла воды из родника,
А солнце только-только поднялось,
Порозовели в небе облака,
Расцвел в саду красавец абрикос.

Пахнула горной свежестью вода
И холодом заоблачных вершин.
И я держу в руках, как глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин.

СНЕЖОК

На дворе идет и тает
Новый мягонький снежок
И ложится у порога —
Выходи скорей, дружок!

Знать, не даром нынче ночью,
В час, когда вокруг темно,
Горный ветер с Бичесына
Постучал ко мне в окно:

— Снег идет, снег идет,
Скоро будет у ворот!

Так стучался горный ветер
У порога моего.
Даже черный и лохматый
Пес не лаял на него.

Ты явился, гость мой ранний,
Как я рад, что это ты,
Потому что мы с тобою
Одинаково чисты.

Снег идет, снег идет,
Скоро будет новый год!..

Что-то он несет с собою,
Новый год и новый день?
Здравствуй, гость мой
В белой бурке
И папахе набекрень!

МАЛЬЧИКИ И КОЗЛЯТА

Густая зелень веток
Горит в глазах козлят,
Два козлика дерутся
Высоко на скале.

А мир травой полон,
А вымя — молока,
И зеленью исходит
Весенняя земля.

Мальчишки шумно ловят
Увертливых козлят
И ничего не видят
На свете, кроме них.

В ГОРАХ

Пусть над дорогой гремит обвал,
Но вперед мы идем, скользя,
Ливень, ревущий потока вал,
Но нам перед ним стоять нельзя.

Этих обвалов похож размет
На обрывки сказаний тут,
Темные камни, где поворот,
Словно нарты в засаде, ждут.

Гром здесь такой, точно нас
громят

Из орудий небес войска,
Волны речные в пене кипят,
Точно, спасаясь, летят у скал.

Мы запоздали. На камни круч
Искры мечет подковы стук,
Молнии пышут из клочьев туч,
Гривы коней освещая вдруг.

Снова копытами тьму толочь,
Молнии бьют обвалов края,
Трудно ехать в такую ночь,
Ехать в таких горах, друзья.

Молний и грома полон простор
В ночь, когда буря идет, круша.
Что ж! Пусть опасны дороги гор,
Мужеству здесь учись, душа!

Пускай меня любая спросит мать,
Каким бы дочку именем назвать, —
Всем девочкам твое дарю я имя,
Пускай звенит над саклями родными,
Пусть не пройдет и суток возле скал,
Чтоб кто-то это имя не назвал!

Утром, под солнцем весны золотея,
Моешься не спеша.
Смуглые ноги. И плечи. И шея.
Как хороша!

СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ВЕСЕННИМ ДНЕМ

О, как хорош наш день! Леса. Холмы.
Вершины. Облака. Деревья. Мы!

Мир полон солнца, мир — подобье сада.
В ущелье, у реки, пасется стадо.

Коровы так спокойны, будто свет
Вовеки не знавал тревог и бед.

Мир полон неба и травы зеленой.
Ныряют облака в речное лоно.

О, как хорош наш день! Леса. Холмы.
Хребтов вершины. Травы. Солнце. Мы!

СЛУШАЯ ПЕСНЮ О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ БРОСИЛАСЬ В РЕКУ

Спой еще раз ту песню, что пела ты.
О, как много в ней горестной красоты!
Сядь, прошу тебя, друг мой, рядом со
мной.
Ту протяжную песню мне снова спой.

Вижу девушку — косы твоих черней,
Горько плачет девушка в песне твоей.
Спой еще раз ту песню, что пела ты.
О, как много в ней горестной красоты!

МОИ СОСЕДИ

1. СЛЕПОЙ СТОЛЯР КАЙСЫН

У тезки моего,
У старого Кайсына,
На свете — никого:
Ни матери, ни сына.
К тому же был он слеп.
Но так или иначе,
А добывал свой хлеб
Честнее многих зрячих.
И было очень жаль
Нам старого Кайсына.
Он в доме не держал
Ни свеч, ни керосина.

Среди крошечной мглы
Один для всей артели
Он мастерил столы,
Шкафы и колыбели.
Из колыбелей тех
Мы все повывасти.
Девчонки, как на грех,
Красавицами стали.
Глядят — не подступись,
И пудрятя часами,
А мы обзавелись
Огромными усами...
Я помню вечера,
Лимонный свет заката
И пальцы столяра,
Как пальцы музыканта;
Как под лучом косым,
Тускнея, гасли краски.
Работая, Кайсын
Рассказывал нам сказки.
Он цену знал себе.
Он и по этой части,
Не только по резьбе,
Был настоящий мастер.
За мужество его
К награде не мешало б:
Ни разу от него

Никто не слышал жалоб.
И покоряли всех,
От мала до велика,
Его лукавый смех
И добрая улыбка.
Работы было — тьма
Его рукам умелым.
За летом шла зима.
Он жил любимым делом.
Вошел он в каждый дом,
И надолго — поверьте!
Добыл себе трудом
Он право на бессмертье.
Бессмертен только труд
И кто ему причастен...
Вовеки не умрут
Твои деянья, мастер!
Земле родной добра
Ты в жизни сделал много,
Она сама добра,
Но взыскивает строго,
Бессмертье тем суля,
Кто не слабеет духом...
Родимая земля
Тебе да будет пухом...

2. ФЕЛЬДШЕР ПЕТР ИВАНОВИЧ

Жил он в нашем ауле
С незапамятных пор.
Годы спину согнули,
Затуманили взор.
Бились горные реки,
Полыхала гроза,
И усталые веки
Жгла от ветра слеза.
Таял выпавший за ночь,
С грязью смешанный снег.
Шел к больному Иваныч,
Золотой человек.
Так его называли
За отзывчивый нрав.
И желанней едва ли
Был гость на пирах.
Он нигде не был лишним.
И лишь от муллы
Ничего он не слышал,
Кроме хулы.
— Не ходите к гяуру! —
Говорил тот в сердцах. —
Передохнете сдуру,
Да простит мне аллах!.. —
Как-то с лошади, что ли,

Свалился мулла.
Встал и охнул от боли.
Видит, плохи дела.
Он домой еле-еле
Добрел по стене...
— Где Иваныч? — с постели
Взывал он к жене.

3. КУЗНЕЦ КАРАБАШ

Много в кузнице народу.
И особенно — зимой.
Рассуждают про погоду,
Не торопятся домой.
Славный малый Карабаш,
Как зашел к нему — шабаш.

В бороде густая проседь,
Но она совсем не в счет.
Хоть его никто не просит —
Сам рассказывать начнет.
А рассказчик Карабаш —
Скажем прямо — все отдашь!

Разбавляет правду ложью,
Как водичкою — айран.

Разобраться невозможно,
Где тут правда, где обман.
Размешает Карабаш,
И выходит баш на баш.

Дескать, вы слышали сами,
Даже Киров знал меня.
Я вот этими руками
Подковал ему коня.
Как просил меня: «Уважь,
Сделай милость, Карабаш!»

Полыхает отсвет горна
На облупленной стене.
Подмигнет кузнец задорно,
Обращается ко мне:
— Доставай-ка карандаш!
Что расскажет Карабаш!

Вынет трубку из кармана
И давай плести свое,
Что в гареме у султана
Очень сладкое житье...
Люди скажут: — Ну и блажь! —
Усмехнется Карабаш.

— Это, — скажет, — в нашей
воле.

А без выдумки рассказ

Все равно, что плов без соли.
Как же можно без прикрас!..—
Вот каков рассказчик наш,
Знаменитый Карабаш!

4. МЕЛЬНИЧИХА АМИНАТ

До чего свою жену
Уважает мельник!
Видно, знает ей цену:
Сам-то не бездельник,
Нос в муке у Аминат,
Щеки, точно пышки.
Говорит она подряд
Час без передышки.
Повстречает у ворот
Кумушек соседок,
Весь аул переберет
Уж и так и эдак!
Что соседи навезли
В новую квартиру.
Где сегодня поднесли
Чарку бригадиру...
У нее в дому рсбят
Чуть не целый улей:
Ведь рожает Аминат
Чаще всех в ауле.

Разве справишься одна —
Дел с детьми ей бездна!
Поглядите, как она
С кузнецом любезна.
Суетится без конца,
Бегает, хлопочет —
Дочь за сына кузнеца
Выдать замуж хочет.
Неужели он не рад?
Экий привередник!..
Вытирает Аминат
Руки о передник.
Говорит и говорит.
Все ей знать охота,
А в руках ее горит
Между тем работа.
Без работы Аминат
Умерла б со скуки.
Про нее и говорят:
«Золотые руки!»

5. БРИГАДИР СОЛЛОУ

Он обходит дом за домом,
Поднимает свой народ.
Ни родным и ни знакомым
Он поблажки не дает.

До чего же неохота
Летом девушкам вставать!
Чуть начальство за ворота,
Как они в постель опять.

От начальства нет покоя,
До того оно хитро!
У него нутро такое —
Беспокойное нутро.

Между прочим, два предмета
У него припасены:
Шляпа белая — для лета
И папаха — для зимы.

Знают их по всей округе,
И понятно — как не знать!
Бригадировы заслуги
Людам за версту видать.

Знает он свою работу,
Да и любит как-никак.
А с соседями в субботу
Он и выпить не дурак.

В зимний полдень, синий-синий,
Он спешит издалека

И, с усов смахнувши иней,
Ловит запах шашлыка.

Он в ладу с бузой шипучей,
Но особой нет беды,
Если, скажем, выйдет случай —
Поднесут «шайтан-воды».

Знаменитую папаху
Нахлобучив на глаза,
В пляску кинется он с маху...
Вот что делает буза!

6. ЗУРНАЧ ХАЖОС

В руках у Хажоса
Работа горит.
Захочет — в два счета
Зурну смастерит.

Усы у Хажоса
Отменной длины.
Растут из-под носа.
Густы и черны.

Бывало, заложит он
За уши их,

Пройдется по улице —
Чем не жених!

Сидит на пиру
Со своею зурной,
Скосивши на девушек
Глаз озорной,

Моргает заодно —
Краснеют они...
Работы по горло
В Октябрьские дни.

С утра возле клуба
Толпится народ.
Усталость, видать,
Зурнача не берет.

Играет в оркестре
С зари до зари.
На новой черкеске
Блестят газыри.

А возле Хажоса,
Потупивши взгляд,
С гармонью своею
Сидит Фатимат.

Всегда нелады
У нее с зурначом.
Не знаю, в чем дело,
А я ни при чем...

7. САПОЖНИК МУХАММАД

Сидит сапожник Мухаммад
И трубочкой дымит.
Видать, дела идут на лад:
Такой довольный вид!

— Да, — говорит он наконец, —
Дела минувших дней...
А между прочим, мой отец
Когда-то крал коней.

Не раз рассказывал он мне
Об этих номерах.
Гуляют кони при луне
На пастбище в горах,

А он откуда ни возьмись
Скорей уздечку в горсть
И мчал на ярмарку в Тифлис
Иль рядом — в Пятигорск.

Поймали как-то храбреца
И вычли все долги...
А я, как видишь, не в отца,
Тачаю сапоги.

И на свое житье-бытье
Не жалуюсь ничуть.
И дело делаю свое
С душой, не как-нибудь.

Нигде сапог прочней моих
Ты сроду не найдешь.
Ведь и на свадьбах только в них
Гуляет молодежь.

Особо девушкам я рад —
Любую назови...
Иная, скажем, просто клад,
А не везет в любви!

И улетела б из семьи,
Да пары нет как раз,
Обует туфельки мои —
И замуж сей же час.

И мужа, веришь или нет,
Возьмет под каблучок.

Такой уж знаю я секрет,
Но только ты — молчок!..

Все мне «спасибо» говорят,
А девушки — вдвойне.
Недаром любит Фатимат
Захаживать ко мне!

Ведь надо в людях понимать,
Чтоб делать сапоги,
Чтоб ты надел их и снимать
Не захотел с ноги,

Чтоб было в них милей всего
Пройтись на Первый май.
Когда какое торжество —
Обновку вынимай!

8. АШУГ БЕКИР

Знает вся округа
Старого ашуга.
Множество народа
Ждет его прихода.

Глянет он с порога,
Дескать, что за мода,

Что-то больно много
Собралось народа:

Чуть не полколхоза!
Дело за бузою...
Левый глаз с мороза
Искрится слезою.

В бороде колючей
Солнечные зайки.
Он на всякий случай
Говорит хозяйке:

— Ох, хозяйюшка-душа,
До чего ж ты хороша,
До чего красива!
Я хвалю не за глаза.
Ведь, пожалуй, и буза
У тебя на диво!..

Он поднимает чашу
За хозяйку нашу.
Прежде чем пригубит,
Сбалагурить любит:

— Здравствуй, желтая буза,
Непоседа, егоза,

Ишь какое зелье!
Это я — старик Бекир,
Без тебя нам пир не пир,
Не пойдет веселье...

Не пройдет минутки
Без веселой шутки,
Песни или тоста —
Удивленье просто!

Радуются люди
Старику заране,
Подают на блюде
Голову баранью.

Старому ашугу
Лучше нет награды,
Что ему, как другу,
Люди всюду рады.

9. УЧИТЕЛЬ БОРИС ИГНАТЬЕВИЧ

Родился он в русской деревне,
Где ночи от снега светлы,
Где летом роняют деревья
Пахучие капли смолы.

И вот привели его ноги
К нам в горы на старости лет,
Изведать такие дороги,
Которых на родине нет.

Извилисты, круты и узки,
Пред ним они в узел сплелись,
Но он терпеливо, по-русски,
Все время карабкался ввысь

Он шел с вдохновенным
упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.

И вновь довелось мне родиться
В тот солнечный день сентября,
Когда я сидел над страницей
Раскрытого им букваря.

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,—

Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.

Сквозь годы, лишения, старость
Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный
Парус,
Летающий в бескрайний простор...

Учитель мой, добрый и милый!
Прости мне былые грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

1941—

1945

Не хочу, чтобы мне повторяли,
Что мертвые не теряют крови.

Федерико Гарсиа Лорка

Сегодня стих мой — беспощадный бой,
В строках запеклась человечья кровь.
Он горьким порохом насквозь пропах,
В нем гул орудий, жаркий стук копыт.

Сегодня стих мой — раненый боец.
Вот пошатнулся он, за штык схватясь,
Вот падает он, кровью исходя,
И поднимается, от боли зубы сжав.

Сегодня стих мой — беспощадный бой.
В нем люди погибают. Кони в нем
Со ржаньем падают. Горят дома.
И ворон опускается на труп.

ЖИЗНЬ, Я ТВОЙ СЫН

Жизнь! С тобой в часы веселья
чистого

Пил вино и пел что было голосу.
На пирах отплясывал неистово,
Пятерней назад отбросив волосы.

Но война сковала землю стужей,
Жизнь, печаль пришла к тебе
нежданная.

Я, твой верный сын, беру оружие.
Боль твоя моею стала раною.

Мать моя! Вмещает сердце воина
Песнь твою, и пляску, и страдания,
И любовь сыновняя удвоена
Материнской сединою раннею.

ВСЕГДА ГОРДИЛСЯ ТЕМ,
ЧТО ГОРЕЦ, Я!

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной
Кавказ

Носил в душе повсюду и всегда.

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет,
Мне русые знакомы латыши,—
Я, раненный, оставил крови след

И стук копыт в горах, когда вперед
Уносит конь лихого седока.

Как горд я вами, милые края.
Коварный враг! Оставь свои мечты,
Что эту гордость потеряю я.
Нет, жизнь скорее потеряешь ты!

ЗЕМЛЯ МОЯ

О родина былин — земля моя,
Народ твой — исполин, земля моя,
Ты — мать, а я твой сын, земля моя.
Прекрасней нет долин, земля моя!

Родная! Чем бежать, забыв борьбу,
Чтобы враги, сойдясь со всех сторон,
Спешили превратить тебя в рабу,
Последний я в ружье вложу патрон.

Как бьется за свое гнездо орел,
Так буду за тебя сражаться я,
Я кровью напою твой каждый дол,
Умру, обняв тебя, земля моя!

Чем дать врагу топтать траву твою
И с радостью глядеть на твой позор,
Пусть лучше смерть сразит меня в
бою,
Чтоб спать мне на груди родимых гор.

Чем чувствовать в груди стыда огонь
И звать тебя чужой, моя земля,
Пусть мой остывший труп растопчет
конь,
Пусть кровь моя зальет твои поля.

Чем в ужасе бежать от тех зверей,
Что, задушив дитя, терзают мать,
Я мертвым храбрецом хочу скорей
На бурке боевой своей лежать.

Чем знать, что упадет на труса след
Холодная слеза из детских глаз,—
Прощальный пусть они пошлют привет
Тому, кто пал в бою за свой Кавказ.

Чем слушать, затаив в душе позор,
Знакомый, гордый шум орлиных крыл,
Хочу, чтобы орел, владыка гор,
Крылами, точно брат, мой прах накрыл.

Когда б мне на Эльбрус глядеть
пришлось,
В плен голову его отдав врагу,
Уж лучше б прядь густых моих волос
Бураном занесла зима в снегу.

Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Орлы Кавказа, с кем дружить без вас?
Родные пляски, как прожить без вас?
Друзья мои! Кому служить без вас,
И голову за что сложить без вас?

Чем родину предать врага мечу
И на коленях жить, уж лучше я,
В сражение за тебя упав, хочу
Спать на груди твоей, земля моя!

ДЕДОВСКИЙ ДОМ

Валя в лесу дубовые стволы,
Дед на скале построил крепкий дом.
Теперь лишь груды пепла да гора золы
На этом месте. Дом сожжен врагом.

В изломанном саду — ни деревца,
Лишь обгорелая чернеет ель...
В том доме бабка родила отца,
Там мать мою качала колыбель.

В былые дни отец в расцвете сил
У горного козла спилил рога,
Пронзив его кинжалом, и прибил
Рога его к столбу близ очага.

Кавказец смотрит, сдерживая гнев,
На груди пепла. Дома больше нет.
Рога погибли. Рухнули, сгорев,
Дубовые столбы, что ставил дед.

Сгорел тот снимок, на котором он
С кинжалом снят в черкеске
у крыльца.
Висевшая в простенке меж окон,
Сгорела бурка моего отца...

Сгорел тот дом, в котором вырос ты,
Где мать певала песни для тебя,
Где ты лелеял юности мечты,
Где жил ты, вольность горскую любя.

И все ж кой-что осталось: ты нашел
Котел, который под золой лежал.
Он закипит еще, родной котел,
На новом очаге... А вот кинжал

Торчит в земле. Ты вытащил его
Из обгоревших кожаных ножен.
Он почернел от дыма. Ничего!
Для мщенья еще годится он!

СЛОВО СЕРДЦА

Может быть, еще придется видеть мне
Дом родимый под дымящейся золой.
Помертвует сердце в грозной тишине,
Вместо дома видя призрак нежилой.

Пусть хоть так. Хотя и горько, пусть
хоть так.

Пусть останусь без родимого угла,
Лишь бы не глядел с усмешкой лютый
враг,

Как бледнеет драгоценная зола.

Если я и не дождусь такого дня,
Чтоб увидеть скорбный город мой средь
скал,

Пусть мой друг его увидит за меня,
Лишь бы только враг злорадный не
видал.

Если я, глаза ладонью заслоня,
Не увижу больше горные снега,
Пусть мой друг на них посмотрит за
меня.
Лишь бы не глаза звериные врага.

Если мне, стаканом пенистым звеня,
Не придется пить веселое вино,
Пусть мой друг до капли выпьет за
меня,
Только бы врага не тешило оно.

Если я, вскочив на быстрого коня,
Кабардинской степью мчаться не смогу,
Пусть мой друг на нем помчится за
меня,
Только бы не оседлать коня врагу.

Пусть мой город только пепел, дым и
кровь,
Лишь бы он освободился от врага.
Люди вольные построят город вновь,
Только б вольными им быть на все века.

Это слово не созвучий пышный звон,
Не притронется ко лжи душа бойца,
Этим словом был я в битве вдохновлен.
Это сердце, а в бою не лгут сердца.

САМОЕ ДОРОГОЕ

В тепле твоих пещер я ночевал, Кавказ,
На гладкий камень голову склоня;
За трубкой у костра я слушал горский
сказ,
И ночь, как буркой, кутала меня.
По горным пастбищам, среди орлиных
скал,
Я кочевал, на посох опершись,
На бешеном коне над пропастью скакал,
Крутой тропой карабкался, как рысь.
И если скажут мне: «Живи, Кайсын, без
гор,
Тебе построят золотой дворец»,—

Я рассмеюсь в душе: — К чему мне
царский двор?
Что золото погонщику овец?

Нет, лучше нищим быть в моих родных
горах,
Чем на чужбине золото носить,
Скитаться по тропам, взметать дорожный
прах,
В пещерах спать — вот так хочу я жить!

Поэту ни к чему набитая кошница —
Слагай стихи да слушай эхо гор!
Орлу не красота, а смелость, ширь нужна,
А горцу — не богатство, а простор.

Кинжалу не убор, а острота нужна,
А мне, поэту, — острый слух да глаз,
Шум крыльев и стремнин, и ширь, и
крутизна,
И даль снегов, и воздух твой, Кавказ!

Мне бедность не страшна, свобода мне
сестра.

Я буду днем слагать в горах стихи,
А ночью под скалой, у братского костра,
Меня сойдутся слушать пастухи.

Стиху — не золото, не праздничный убор,
Не комнатная сытость и покой,
Стиху — простор степей, и воздух вольных
гор,
И даль дорог, и небо над рекой.

ПОЭТ НА ФРОНТЕ

Алимү Кешокову

Склонясь над взлохмаченной гривой
 коня,

Поводья тугие сжимая в руке,
Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке.
А ночью, едва затухала заря,
Он молча бродил по уснувшей степи.
Потом, засветив огонек фонаря,
Писал на седле стихи.
Пока задавали корму коням,
Друзья собирались вокруг огонька
Послушать поэта. И чудились нам

В стихах удары клинка.
Когда у врага отбивали село
И дети сбегались на шумный привал,
Он крошку босого сажал на седло
И тихо в глаза целовал...

СОСНЫ РОССИИ ШУМЯТ

Дождь отстучал — только листья
блестят.

Осень. И тучи плывут в поднебесье.
Грустно. Дорога не радует взгляд.
И, напевая нам хмурую песню,
Сосны России шумят.

К фронту идет за отрядом отряд.
Сосны, как сестры под гнетом кручины,
Нас провожая, печально глядят,
И без умолку шумят их вершины,
Сосны России шумят.

Будто глухую тревогу таят,
Мерно качаясь и вслед нам глядя,

Мокрые — дождь был три дня
подряд —
Сосны грустят, оставаясь сзади.
Сосны России шумят.

Верю: о нас они сохранят
Память. И будут шуметь ночами,
Вспомнив ряды молодых солдат...
Всюду дороги размыты дождями.
К фронту идет за отрядом отряд.

Сосны, как сестры, нам вслед глядят.
Грязь тяжелит нам усталые ноги.
Русские сосны вокруг стоят,
Качая вершинами у дороги.
Сосны России шумят.

К фронту идет за отрядом отряд.
А вдоль обочин, у самого края,
Может быть, песню о нас создавая,
Сосны России шумят.

ПОЭТЫ

Лишь горькое вино во все века мы пили
И посылали миру свой привет.
Да, мы любили жизнь, и женщин мы
любили
И целовали их, забыв про целый свет.
Мы, горький свой табак собрав, срывались
с места
Навстречу нищете, навстречу злым ночам.
Наш легкий, чуткий шаг казался
легковесным
Всем занятым собой, надутым богачам.
В лицо тиранов злых, страшивших все
живое,
Бросали честный стих мы, не боясь
тюрьмы,

И плакали о всех, задавленных нуждою,
О ком никто не плакал,— только мы.

И горечью веков мы наполняли песни,
Чтоб стон запечатлеть в своих словах
простых.

Бурлящее вино хранит бочонок тесный,
Живую боль хранит предельно сжатый
стих.

За то в темницы нас сажали, жгли и били,
И на дуэлях гибли мы не раз,
На хмурых площадях нам головы рубили,
И в жарких битвах убивали нас.

Во все века цари надменно и сурово
Стремились нас изгнать и спрятать ото
. всех.

Но никаких границ и тюрем нет для
слова.

Оно пройдет сквозь все, рождая боль и
смех.

Во все века наш путь был тягостен и
труден,

Всегда, не далеки от нищенской сумы,
Мы оставались все равно друзьями людям,
И жизнь и солнце все равно любили мы.

Да и сегодня мы, страдая жгучей болью,
Которой болен мир, ее передаем
В словах грядущим дням, печаль и грохот
боя,
Победных пушек гром неся в душе, идем.

Идем среди полей, где ветром пули
свищут
И где победы день встает сквозь кровь и
дым.

Без сна и без воды, без отдыха и пищи,
В сырых окопах умирая, мы спешим.

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы,
И сердце мира мы, уставшее от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед

Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце
это
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь в
сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем.

ПЕРЕКОП

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед.

Н. Тихонов

1. ПО СЛЕДУ ГЕРОЕВ

По следу героев гражданской войны
Идем мы под рокот сивашской волны,
И ветер, гудящий в ночах боевых,
Над нами звучит, как легенда о них.

Находим подковы от их лошадей,
Омытые водами многих дождей.
Сегодня, сейчас повторить нам дано
Деяния лет, отшумевших давно.

И Тихонов другом приходит ко мне
В балладе своей о гражданской войне.
Подковы заржавели — времени след.
Поэзии, подвигам — ржавчины нет.

И давние ветры над ними летят,
И снова поют, и трубят, и свистят,
И кажется, Фрунзе тут рядом со мной,
Я слышу, как ржет его конь боевой.

Нам тоже Турецкий прославленный вал
В бою острой пылью гортань забивал,
И также от раны мы падали вдруг,
Оружия не выпуская из рук.

Мы тоже сегодня, к победе спеша,
Несем на губах своих соль Сиваша.
И мокнут ночами шинели у нас.
Как раньше отцы, так мы бьемся сейчас.

2. НЕТ ВОДЫ

Если бы сейчас воды напиться!
Пыль. И нет воды.
Хоть лицо б отмыть от жесткой пыли!
Но ни капли нет.

День и ночь мы шли без остановки,
И суха гортань.
Как в Египте древняя могила,
Сух Турецкий вал.

Хоть бы снег — схватить и есть из
горсти!

Только снега нет.

Хоть бы дождь — прильнуть к следу
копыта!

Не идет он, дождь.

Ветер сух. Земля желта от пыли.

Друг, терпи, терпи!

Золото — зола! Воды б, воды бы!

Ветер носит пыль...

3. СВОБОДА НЕ УМИРАЕТ

Склонилась над Турецким валом ночь,
Как женщина склоняется в печали
Над раненым, спеша ему помочь,
Его обняв концами черной шали.

Когда-то насыпали этот вал
Солдаты, мучась от жары жестокой,
Как только вечер звезды зажигал,
Они молились, став лицом к востоку.

О смуглых женщинах земли своей,
О черных косах часто тосковали
И, провожая взглядом журавлей,
Туда, на юг, привет передавали.

Турецкий вал всем ливням и ветрам
Веками подставлял сухие скаты.
Но и теперь стоит он — сух, как шрам,
И впитывает жадно кровь солдата.

А люди, что когда-то жесткий вал
Здесь возводили, двигаясь устало,
Они давно — земля, бурьян, трава,
И даже их оружие глиной стало.

И тот паша, кто их, внушив им страх,
Гнал от Стамбула в степь, что в сушь
дымилась,
Сам прахом стал. И ветер носит прах,
А кровь, что лил он, в землю
превратилась.

Одной свободе время нипочем.
Ее в бурьян не обращают годы.
Мы сами, погибая, бережем
Свет наших напряженных дней —
свободу.

4. ТРУДНО!

В России снег, а здесь дожди. Беда!
Шинели и обмотки набухают.
В окопах грязь. И хлупает вода,
Февраль дождливый по войне шагает.

А вечером — холодные ветра.
И все на свете сразу застывает.
Лежит солдат и мерзнет до утра...
Так трудно здесь победу добывают.

5. БАЛЛАДА
О КАПИТАНЕ СААНЯНЕ

Эту балладу о Сааняне
Сложил не я,
Сложил не я.
Военные ветры Турецкого вала
Сложили ее,
Военные ветры.
Они поют ее
Этому валу,
А также ночам
Безлунным и лунным,
А также и дням
Туманным и ясным,
Деревни округи слышат ее.
Отвага сложила эту балладу,
Эту балладу о Сааняне,
Храбрость штыком записала ее.
Во время штурма Турецкого вала
Он ранен был,
Он ранен был.

Шесть пуль пробило его тело,
Шесть ран покрыли его тело
И все смертельные были они.
И даже на то, чтоб подняться
в бой,

Уже у него не хватало сил.
Упал Сааян,
Капитан Сааян,
Храбрец Сааян,
Упал Сааян!
И, упав, обратился к солдатам:
— Несите меня вперед на руках!
Это не просьба — это приказ!
Пока я дышу — я командир.
Пока не возьмете Турецкий вал,
Несите меня вперед на руках!
Пока я дышу — я командир!
Умру — все равно несите вперед!
Я не прошу вас жалеть меня.
Несите вперед — это приказ!
Одно только мужество выше, чем
смерть!

Несите меня вперед!
За мертвым комбатом пошел
батальон

И ворвался на Турецкий вал,
Ворвался на Турецкий вал.

Так погиб армянин Саанян,
Капитан советских войск.
Поэтому ветер балладу о нем
Рассказывает на Турецком валу
Безлунным ночам и лунным ночам,
Солнечным дням и пасмурным дням,
Всем деревням окрест.

6. ВПЕРЕД!

Сегодня день прорыва. Значит, в
штыки идти.

В черном дыму вперед!

Многие из нас, упав, останутся
позади,

А мы пойдем вперед!

Мы пойдем вперед!

О мертвых победа не думает.

Собранны и тверды,
Мы пойдем вперед!

Приказ никого не спрашивает:
боишься ли смерти ты?

А говорит: вперед!

А говорит: вперед!

Глотая сухую колючую пыль в
просторах степных,
Мы пойдем вперед.
Пыль Турецкого вала неся на
шинелях своих,
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!

Огню врага, если надо, свою
 подставляя грудь,
Мы пойдем вперед.
Кто хочет добиться победы, о
 смерти думать забудь.
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!

ВЕСНА НА ФРОНТЕ

1. ТРАВА

На горестной земле растет трава.
Был ночью дождь. И вот трава растет.
Война. Цветы в полях и синева.
Трава впитала порох, кровь и пот.

И все кругом, куда достанет взгляд,
Цветами и травой поросло.
Цветет бугор — здесь был убит солдат,
Отдав земле последнее тепло.

Трава покрыла черноту могил,
Простых, хранящих безымянный прах.
Земля стерпела все, хватило сил!
Трава растет над павшими в боях.

4. ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

Всю зиму говорил он на войне:
— Увижу ли еще я зелень трав?
Уж если умирать придется мне —
Так не на снег, а на траву упав.

Мечта исполнилась — пришла весна,
Он наслаждался запахом цветов.
И, позабыв на миг, что есть война,
Он был всю жизнь лежать в траве
готов.

Но летом, среди шелестящей тьмы,
Он, слушая ручьев звенящий бег,
Мечтал: — Дожить бы только до
зимы!

Увижу ли еще я первый снег?

РОДНЫЕ ДОРОГИ

Дороги горные в полуночной тени,
Задумчивые, словно от кручины,—
Таковыми мне привиделись они.
Глядят на них деревья из лощины,
Как сын на материнские морщины:
«Состарилась, родная, в эти дни!»
Деревья, как печальные горянки,—
Таковыми вспоминаются они.
Мне видятся на выжженной полянке
Угрюмые обугленные пни.
О камни гор не я ли ранил ноги,
В пыли дорог не мой ли виден след?
Пройдет беда — и к вам, мои дороги,
Под кровли скал вернется ваш поэт.

Дороги горные задумались, уснули.
Такими мне привиделись они.
Вечерний дым над саклями в ауле.
И лай собак. И редкие огни.

Я после боя спал в соломе.
И хоть мне холод досаждал,
Мне ты приснилась утром дома.
Когда же я продрог и встал,

Был холод. Ты ж куда-то скрылась,
Тоску умножив по себе.
Но все ж за то, что ты мне снилась,
Я благодарен был судьбе.

Война велика, бесконечны поля,
Дороги, как старые песни, длинны,
И ходит беда, и тоскует земля,
И воет волчицею ветер войны.

Быть может, по этим дорогам глухим
К тебе суждено мне вернуться, любя.
А если не мне, так хоть песням моим,
Я верю, придется дойти до тебя.

Далека ты. Снег идет.
Я в снегу. Я белый весь.
Я уверен, что у вас
Снег сейчас такой, как здесь.

Ты от фронта далеко,
Но я вижу сквозь пургу:
Ты по улице идешь
Вся, как я, в густом снегу.

ДЕВУШКЕ С СЕВЕРА

1

Синие глаза ты подари мне!
Брови, что крылаты, подари мне!
Прядь, светлей пшеницы, подари мне,
Длинные ресницы подари мне!

Подари мне нежность грусти русской,
Тишину лесной тропинки узкой,
Вешних заливных лугов узоры
И степей печальные просторы.

Смеха, песен звуки подари мне,
Тоненькие руки подари мне,
В песнях запах сосен подари мне,
Сердце — краше весен — подари мне!

Волосы твои густые, светлые
Стали песней у меня в груди.
Как любил в горах дожди и ветры я!
Волосы твои, как те дожди.

Синие глаза, такие синие,
Что пред ними меркнет бирюза.
Как на небосвод родимый, ныне я
В синие твои смотрю глаза.

На губах вкус ягоды смородины,
Кудри пахнут, как сосновый бор.
Ты не дочь моей гористой родины,
Но близка мне, точно песня гор!

Кривы тропки горные, кремнистые,
Широки пути твоей страны,
Но сердца и мысли наши чистые
Слиты, как напев и звук зурны.

Тишиною северного вечера
Кажется мне ласковый твой взор.
Всем не схожи мы, тут спорить нечего,
Но люблю тебя, как песню гор!

Хочу остаться в памяти твоей
Не длинной повестью —
 четверостишьем,
Не долгою затяжных дождей,
А горным ливнем, хлещущим по
 крышам.

И пусть, когда ты вспомнишь про
 меня,
Услышишь ты не шаг усталой клячи,
А топот кабардинского коня...
Пусть будет так, я не хочу иначе!

В. Мухоморов

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.

Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.

Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла.
Помнишь, Вера, тот донбасский вечер?
Мы держали только край села.

Так сошлась с твоей моя дорога,
Девушка в шинели, милый друг,
Я тогда счастливей стал намного,
И стихи счастливей стали вдруг.

ЦВЕТЫ НА ФРОНТЕ

Любимая! Не раз я рвал цветы
На поле, где зимой прошли бои:
Быть может, в блиндаже уснула ты,
И я тебе отдам цветы мои.

Я в низенькую дверь войду чуть свет
И, спящую тебя увидев там,
Тихонько приложу большой букет
Из полевых цветов к твоим губам.

Но, с поля возвратясь в окоп назад,
Тебя я не нашел, мой тихий друг,
Я видел лишь одних друзей-солдат,
Товарищей одних встречал вокруг.

Я в темном блиндаже ложился спать,
Усталый, отдыхал в чужой избе.
И думал я, цветы боясь измять,
Что, может, завтра их отдам тебе.

Как часто о тебе мне снились сны.
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Не мало у меня завяло их.

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег,
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Но и теперь, когда случится
Назад, в те дали бросить взгляд,
Я вижу: там еще дымится,
Как будто письма всё горят.

ЖИТЬ!

Хоть за горло горе схватило —
Горе мужеством победить!
Хоть беда наш день омрачила, —
Не покорствуя, в битве жить!

Как ни труден путь наш далекий,
Но нельзя иных проложить.
С ног сшибает ветер жестокий,
Но под ним, не сгибаясь, жить!

Как орел взмывает сквозь тучи,
Так из черных бед выходить!
Слава жизни светлой, могучей!
Мрак и смерть побеждая, жить!

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе,
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей.

Убежденность моя созрела
Не в уютном, теплом доме,
А в полях, под бурей обстрела,
В ливне пуль, в огне и дыму.

Непреклонна и непокорна,
Как броня стальная, верна,
Из кольца врагов, как из горна,
Закаленной вышла она.

Как орел сквозь тучи взмывает,
Так из бед на свет выходить!
Как гранатой танк подрывают,
Так, беду побеждая, жить!

ЖИЗНЬ, КАК БОЙ, ТРУДНА

Жизнь, как бой, трудна, я это знаю,
Слава дню, прошедшему в бою.
Твердое, как сабля боевая,
Светлое, как слава зарева,
Мужество мужское я пою.

С гибелью лицом к лицу встречаясь,
Я с ползучим страхом незнаком.
Сила духа, в бедах закаляясь,
Как солдат сквозь битву пробиваясь,
Говорит мне твердым языком:

«Даже под петлею не утрачу
Мужества и не расстанусь с ним,

Даже под секирою палачьей
Черный день смятения и плача
Мужеством я встречу боевым».

Жизнь, как бой, трудна, я это знаю,
Слава дню, прошедшему в бою.
Твердое, как сабля боевая,
Светлое, как слава заревая,
Мужество мужское я пою.

1945—

1956

Меня хоть серым камнем сделай, боже,
Но лишь верни к родному очагу.

Кязим Мечиев

Е

сли радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее.
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

ПЕРВОЙ ВЕСНОЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Детей босоногих возня
В зеленой чаше двора.
Не видя в окне меня,
Звенит во дворе с утра
Играющая детвора.

За облаком — облака,
За годом год плывет.
А эта возня на века,
А этот смех не умрет,
Ничто его не убьет!

Он в сапогах, в линялой гимнастерке.
Глаза солдата ненасытно зорки.

Трава. Хребты. Речушки горной гул.
Петуший крик. Родимый дом. Аул.

И, сплюнув на руки и взяв лопату,
Он яблоньки сажает, как когда-то.

И босоногий сын спешит помочь.
И столько солнца, что смотреть невмочь.

Прошли все пули стороной,
Солдат вернулся в край родной.
Весна, тепло, а он жене
Велел топить: — В окопах мне
Частенько снился дым густой
Над нашим домиком зимой.

ПЕРВЫМ ЛЕТОМ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Облака плывут над головой.
Тень от них ложится на хлеба.
Стало быть, я все еще живой?
Быть убитым, видно, не судьба...

Вот разрезал дыню бахчевод,
На ноже кусочек мне подал.
Положил я тот кусочек в рот —
Ничего вкуснее не едал!..

ОХОТНИКАМ, ЗАБЛУДИВШИМСЯ В УЩЕЛЬЯХ

Вам, заблудившимся темной ночью
В ущельях гор, где мрак и светляки,
Вам, среди скал бредущие на ощупь,
Охотники и меткие стрелки,

Вам песнь свою сегодня я слагаю,
Сквозь эту ночь до вас дойдет она.
Вы слышите ее? Она до края
Горячей кровью храбрых вся полна.

В ущельях гор, покрытых мглой густою,
Вы ищете тропу среди травы.

«Что смерть в сравненье с мужеством?
Пустое!» —

Над бездной стоя, говорите вы.

И, точно звезды смотрятся в ущелье,
Горят глаза. Вам надо путь найти.
Снежинки на бровях обледенели,
И ветер сушит губы вам в пути!

Я ваш. И вас, кого храбрее нету,
Кто не страшился в жизни ничего,
Я вас пою. Услышите песню эту,
В ней кровь и муки сердца моего.

Что смерть и что беда? Ведь вы не
щепки.

Есть мужество. И вы богаты им.
Охотников бывалых, сильных, крепких
Оно ведет ущелием ночным.

И вот сейчас, его подняв как знамя,
Я песнь пою. Как шел Шамиль в бои,
Израненный, исколотый штыками,
Так я иду, неся стихи свои!

НАД СТАРОЙ КНИГОЙ
ГОРСКИХ ПЕСЕН

Памяти Эффенди Кадиева

Глядя на горы, залитые светом
Луны, и косы опустив,
Считая звезды и шепча при этом
Родное имя, сердцем загрустив,

Горянка песни многие сложила.
Я знаю песни девушки-красы,
Что сердца боль в стихи свои вложила
И волосы сложила в две косы.

И среди строк, певучих и звенящих,
Я вижу черные глаза, потом

Наездников, ущельями спешащих,
И тонких рук девических излом.

И взмах бровей, и тонких губ
движенья,
Они живыми снова предстают,
Погибшие в бесчисленных сраженьях
Тут из могил храбрейшие встают.

И девушка, слышав топот строгий,
«То черноусый, скажет, мой жених».
Другая смотрит, смотрит на дорогу —
Он из-за гор появится ночных.

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но, раненный, отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою.

А горец, с гор и в дождь пришедший
ночью,
Он тяжело бурку мокрую волочит.

И смуглая жена бежит навстречу,
Прижавшись к жесткой мокрой бороде,
Его целует, бурку взяв на плечи,
Относит в дом, на турий рог надеть.

Шум горных рек, ему в ущелье тесно,
Став струнами, по сердцу пробежит,
И прошлое, встающее из песен,
Как будто ветром надо мной шумит.

Под солнцем гор сияют великаны,
Сверкающие наискось клинки,
И перевал, и снег в крови, багряный,
На головах героев башлыки...

Вы, песни мне оставившие эти,
Похвал за подвиг в мире не искав,
Идя за сердцем и за все в ответе,
«А если я погибну» не сказав,

Вы сравнивали в песнях зубы милых
Со снегом гор, над пропастью вися,
За эти строки первозданной силы
Ни у кого оплаты не прося.

И как река — не течь она не может, —
На мир глазами чистыми смотря,
Вы, как река, создали песни тоже,
«На что они нужны!» не говоря.

Примите же вы мой поклон глубокий,
Вы живы, вы со мною наяву,

Коротких дней, как вы, имея сроки,
Я, в песни превращая их, живу.

Одна дорога, хоть дорог и много,
Все к морю реки держат путь, звеня,
Последним шагом кончу я дорогу,
Как вы свою кончали до меня.

Ну что же, той дорогою одною
Идем мы с песней, все в нее вложив,
И самое, что встретим, дорогое
Мы оставляем, в песни превратив.

Не может птица не летать, и скажем:
Так песни мы рожаем в добрый час,
Уходим мы из мира, песням нашим
Давая жить гораздо дольше нас.

Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни — наш подарок им.

Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильней,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней!

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Орлицу я песней ночной разбудил,
Ой, мама, мама моя!
Прощуршала она парюю крыл,
Ой, мама, мама моя!
Ты видишь ее, ой, мама моя?
Ты слышишь ее, ой, мама моя?
Я птицу-орлицу испугнул на беду,
Ой, мама, мама моя!
Найдет ли она дорогу к гнезду,
Ой, мама, мама моя!
Вернется ль она, ой, мама моя!
Если она не вернется назад,
Ой, мама, мама моя!

Кто пожалеет бедных орлят,
Ой, мама, мама моя!
Кто их согреет, ой, мама моя?
Кто пожалеет, ой, мама моя?

Орлицу я песней ночной разбудил,
Ой, мама, мама моя!
Прошуршала она парюю крыл,
Ой, мама, мама моя!
Ты видишь ее, ой, мама моя?
Ты слышишь ее, ой, мама моя?

ВЕЧЕРНЯЯ БАЛЛАДА

- Ты откуда идешь, Азрет?
- С гор высоких, с далеких скал.
- Что ты делал в горах, Азрет?
- Гнал оленя.
- Догнал?
- Не догнал!
- Что случилось с тобой, Азрет?
- Иль в стволе твоём пули уснули?
- Нет, владеет ружьем Азрет,
Но олени быстрее пули.
- Что ты видел в лесах, Азрет?
- Ветер сосны сгибал в дугу.
- Что ты видел в горах, Азрет?

- Кровь охотника на снегу.
- Что ты видел еще, Азрет?
- В небе сокол чертил круги.
- Что ты видел еще, Азрет?
- Видел мглу, а за ней ни зги.

ГОРЕ

Муж Кермахан и сын Кермахан
Хорошие были бойцы.
Поехали двое джигитов на бой,
Вернулись домой мертвецы.

Завернутых в бурки, внесли их в аул,
И солнце застлала гроза,
И, выйдя навстречу им, вдруг
Кермахан
Застыла, не веря глазам.

И вымолвить слово не в силах была,
И даже не вырвался стон.

Стояла она посредине двора,
Не веря, что это не сон.

И даже, когда их в земле погребли,
Стояла без слез Кермахан,
Не веря, что все это видит она,
Не веря, что все не обман...

В горах ей казалось, что дома ждет
муж
И крутит седые усы,
А дома — что в дверь, постучавшись,
войдет
Сейчас ее радостный сын.

Черкеску она скроила. — Кому, —
Спросили соседи, — ты шьешь? —
Сказала она, удивленно взглянув:
— Да мужу... Кому же еще!

Спросили однажды соседи: — Кому
Ты шьешь этот славный бешмет?
— Кому ж, как не сыну, — она,
удивясь,
Сказала соседям в ответ.

Оружье она протираала всегда,
Шепча про себя лишь одно:
— А вдруг заторопится муж на
войну —
Пусть будет в порядке оно.

ГИБЕЛЬ ВСАДНИКА

Ты мчался как ветер,
Но пуля
Сразила тебя на лету.
Твой конь на траве растянулся,
А кажется — скачет еще.
Он черен, как тень,
Его ноги
Таят напряжение прыжка.
Как ветром
Отброшена грива,
Копыта еще горячи.
О всадник,
Сраженный в полете,

Ты весь — еще страстный
порыв.

И ветер
Скорбит над тобою,
И песня рыдает моя.
И ветер и песня родились
В один этот
Горестный миг.
Одною землею рождены мы,
О всадник,
Сраженный в пути.
И песня и ветер,
Рыдая,
Помчатся в твой горестный дом,
И, вестники горя,
Заплачут
Они вместе с бедной женой,
И с матерью рядом
Заплачут
У гаснущего очага.
И песня —
Твой грустный глашатай.
Ведь песня —
Родная сестра
Тебе,
Вольно мчавшийся всадник,
Она также мчится в простор.

Ты лишь половину дороги
Проехал —
И умер, сражен.
Быстра и сильна всегда
Пуля.
Она тебя здесь догнала.
А песня, сестра твоя,
Слышишь,
Помчалась в твой дом,
А потом,
Взвилась,
Полетела по миру.
Не сразить ее
На полпути!

ГОВОРЮ С ДОЖДЕМ

Дождь — ты рассказ, который слышал
в детстве,
На муле сидя, между гор теней,
Когда я ехал с взрослыми в соседстве,
Беседу слушал, стук копыт коней.

А помнишь ты, как в Бедике¹ лежал я
Под буркой летом в жарком полусне,
И только-только задремал я,
Ты прилетел, словно приснился мне.

¹ Б е д и к — название пастбища.

И, словно став абреком говорливым,
Так прибежал, примчался по горе,
Как будто мне шумел ты торопливо:
— Пусти под бурку, спрячь меня
скорей!

Ты помнишь, дождь, как будто был ты
ранен,
От кровной мести мчался в буерак,
Ты сыпал так, по бурке барабанил,
В сухой тулук¹ зерно ссыпают так.

А помнишь, дождь, как в самом детстве
раннем,
Омыв деревья, заставлял скорей
Цвести их, чтобы их благоуханье,
Как лужи, радость было для детей.

Когда же исчезал ты за горами,
Таких высот я видел разнбой.
Что мне они казались ступенями
И звали мир все выше за собой.

Дождь, помнишь ты меня еще ребенком,
Босой, без шапки бегал под дождем,

¹ Тулук — мешок из овечьей кожи.

Концы штанин мокры от луж тех
звонких,
Что значит горе, я не знал о том.

Дождь, помнишь ты, тебя хвалила мама,
Картошку, кукурузу ты поил,
Чабан Джанхот ругал тебя упрямо —
В дырявой бурке дождь ему не мил.

Дождь, помнишь ты, как Нафисат,
девица,
Которую впервые я любил,
Пошла в Чегему, чтоб воды напиться,
Ты ей без спросу косы намочил.

Дождь, для меня ты сказкой был и
песней,
Твои любил я радуги в горах,
Ты шел, похож на песню, что чудесней
Всех песен гор, что пелись на пирах.

С тобою мы с тех пор похожи стали
На тех, кто шел дорогой боевой,
На тех, что вместе жили, воевали,
Кусок делили хлеба кочевой.

Хочу, чтоб все на свете были сыты,
Раз нет тебя — и хлеба нет в краю,

Милей полям, садам ты, чем пиитам,
Ты друг людей, тебя за то пою.

Поэзия и ты — друзья издревле, знаю.
Ты радугой своей всех детство озарил,
И потому стихи тебе я, дождь, слагаю,
Когда я слышу шум твоих веселых крыл.

Джамалдину Яндиеву

Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака,
Что в небе плавают вокруг.
Кого не бьет беды рука?

Чернее быть не может дня,
Потери — больше. Ты не прав:
Будь мудр — кто потерял коня,
Не плачет, плетку потеряв!

ТЕНЬ ОРЛА

«Как увидим орлиную тень на скале —
Нам удачу большую пошлет Абсаты¹», —
Так сложили охотники гор, не полей,
Эту песню, слова у которой просты.

На заре шли в охотничий горный поход
И, удачи не встретив в пути ни одной,
Все же пели: «К нам счастье дорогу
найдет,
Тень орла на скалу упадет все равно!»

¹ А б с а т ы — мифический покровитель гор и леса.

Когда тяжесть беды на плечах, как
обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий
народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

Как пахнет трава на родимой земле,
Не в моей позабыть это воле,
Слышал в дальней дали, в полночной мгле,
Как шумят мои сосны в Терсколе.

Талисманом родная земля на груди,
Мне не надо ни лучше ее, ни светлей,
Нет, нигде не забуду, где б я ни бродил,
Как пахнет трава на родимой земле.

В землях многих как друг я, скитаясь,
был,
У чужих очагов грел руки свои.
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Сыном гор я остался, горы мои!

Горной речке в горах греметь суждено,
Но в равнине стихает ее волна,
Все же с именем тем, что в горах дано
У истоков, к морю доходит она.

ЛАСТОЧКА

Сергею Фиксину

Облака ползут по небу, как возы.
Молоком набухло вымя у козы.
Солнце шлет свои лучи во все концы.
Принимаются за дело кузнецы.
Чинят бороны, лопаты и плуги,
Отдохнуть часок — и думать не моги!
Возле кузницы бездельник-воробей
Примостился, подзадоривает: «Бей!»
А у ласточки по горлышко хлопот —
То пушинку, то соломинку несет.
До полудня облетала полсела.
Прямо в кузнице гнездо себе свила.
Вот и ты меня, пожалуйста, пойми:
Даже ласточке спокойнее с людьми.

ДОЧЕРИ ГОР

Вечером выйду — издали кланяюсь
Белым горам, где ты родилась.
Поутру выйду из дому — кланяюсь
Тропкам, где шла ты ребенком,
резвясь.

Благословляю трудолюбивые
Руки, что выпестовали тебя,
Гляну на звезды: вот ведь
счастливые —
Часто на них ты смотрела, любя...

Благодарю я землю суровую,
Ночи, тебя охлаждавшие в зной,
Воду, что ты пила, родниковую,
Каждой былинке поклон мой земной!

Так мало дней отпущено нам всем.

Не дай мне бог жить без тебя под
старость.

Решу тогда, что не жил я совсем.

Не дай мне бог жить без тебя под
старость.

Без глаз твоих, без плеч, без рук твоих

Не дай мне бог жить без тебя под
старость.

Без голоса, который добр и тих...

Не дай мне бог жить без тебя под
старость!

Какой горой укрыт от зорких глаз
Последний день мой, сколько их
осталось, —
Не знаю. Где он — мой последний час?
Не дай мне бог жить без тебя под
старость!

Когда-нибудь и я, как все, умру.
И никуда от этого не деться.
А снег, что выпал рано поутру,
Меня сегодня радует, как в детстве.

Давно промчались юные года,
Того здоровья нету и в помине.
И все-таки красивей никогда
Мне не казались гроздья на рябине!

ПОЭТ И ГОРЫ

Николаю Тихонову

Если снежные обвалы с гулом тяжким и
глубоким,
Неожиданно срываясь, быстро к пропасти
неслись,
Ты задумывался, вторя бурным
лермонтовским строкам,
Что, как этот гул обвала, здесь когда-то
родились.
Горы высились толпою, да толпой
бритоголовой
Строгих горцев, что одеты в яркий
праздничный наряд.

Ты беседовал с горами, их язык поняв
суровый,
Так беседовал с горами, словно был их
младший брат.

В твоих строках мощно дышат наши горы,
наши кручи,
Словно ты и впрямь родился на Баксане,
меж теснин.
Как в свою родную саклю, в стих
торжественно-певучий
Смуглорукая горянка вносит глиняный
кувшин.

И быка у нас воспел ты, как он в гору
шел упорно,
Меж рогов его широких вдруг аул ты
увидал.
На тропах кривых и узких, на крутых
дорогах горных
Не однажды бурный, щедрый ливень гор
тебя застал.

И мохнатые, как тучи, партизанские
папахи
Оживают в твердых строках, словно гор
святая быль.

Как на пастбище высоком знойным летом
душно пахнет
Бурка терпкою травой, ты, конечно, не
забыл.

Высотой вершин взволнован, удивлен
красой их новой,
Ты, как тост, за это поднял стих чеканный
над собой,
Сразу эхо скал далеких подхватило стих
суровый,
Как свою простую песню, повторяя голос
твой.

И когда на Бичесыне вдруг за дымкою
туманной
Сам Эльбрус тебе открылся дальней
снежной белизной,
И когда ты, наклонившись, пил из речки
безымянной
И до боли стыли зубы в чистой влаге
ледяной,

И когда в ауле, в сакле, на пиру в
прозреньем мудром
Встал ты рядом с тамадою непохожий на
себя,

Иль когда ты близ Терскола спал в шатре
и, выйдя утром,
Увидал, как встало солнце, усмехаясь
и слепя,

То почувствовал ты радость, что бурлит
в тебе, играя,
Как река летит в ущелье, ворвалась
в стихи она.
Эту солнечную радость как заботливый
хозяин
Ты легко и щедро миру подносил, как рог
вина.

Был ты мужества поэтом. И поэтому
легко ты,
Очень просто, без натяжки стал поэтом
гор крутых,
Чтобы люди новой эры всей душой
рвались к высотам,
Чтобы их не испугало все, что станет
против них.

А глаза твои вбирали неба синее свечение,
Шел ты в горы с марсианской страстной
жаждою творить,

И поэзия предстала непрерывным
восхождением.
Восхождение — это слава, восхождение —
это ритм.

Подымаю за тобою стих за все, что
сердцу нужно,
И за мужество и юность мира — радости
живых,
За людей хороших дружбу и стихов
хороших дружбу,
За вершины и за то, чтоб восходить
всегда на них.

И поток от пены белый, скалы хмурые
Хулама,
И чегемские вершины, как и наш любой
поэт,
Не забудут, как ты в горы шел,
карабкаясь упрямо.
Этот стих мой безыскусный только их
живой привет.

СЫНУ

Уходят дни. Ко мне уже стучатся
Болезни, и со снежного холма
Уж на меня посматривает старость...
Они грозят, но я не убоюсь,
Не разуверюсь и свой труд не брошу.
Теперь я радость жизни и работы
Куда острей, чем в юности, постиг
И ощутил сильнее весомость слова.
Грозят болезни, угрожает старость,
Они понять никак еще не могут,
Что молодость моя к тебе уходит,
А силы и здоровье перешли
В мои стихи... В тот день, когда я кончу
Свой путь, я знаю, ты его продолжишь,

Достигнешь мной не взятой высоты,
Да, ты дойдешь. И оттого я храбрый...

И зря слепая старость и болезни
Пытаются сейчас меня пугать —
С оружием павших в бой идут живые
И так к победе, к радости приходят...

Смерть нам грозит, а мы вперед
 стремимся:
Шуршит рубанок, и пила скрежещет,
Собака лает — всаднику плевать...
Пусть старость смотрит на меня с
 холма.

Но я ее дразню растущим сыном. Он вырастет. И старость удивится: — Никак не удастся их согнуть!

БЕРЕЗКА

Подружка рябины, белеет березка.
Трепал ее ветер, холодный и
хлесткий.

Устала она, подремать захотела.
Белеет она, а листва пожелтела.

А осень гуляет в лесу по-хозяйски...
Березка из песни пришла или сказки.

Поэтов России сестра, утешенье,
Белеет березка в чащобе осенней.

Быть может, на нашем Кавказе,
в изгнание,
Тоской по отчизне оставленной ранен,
Оглядывал Лермонтов горы седые,
Искал тебя взором, березка России...

ХЛЕБ И РОЗА

Хлеб и роза, вы — сердце поэзии всей.
Вы — вселенной краса, радость наших
детей.

Мы лежали в окопах, у гибели в лапах,
Но сквозь дым ощущали победный ваш
запах!

Хлеб и роза, не сгубит вас черное зло.
Вы живете, чтоб счастье людское цвело.

Хлеб и роза, вы — труд наш, вы — наше
богатство.

Миру с вами во веки веков не
расстаться!

КИРГИЗСКАЯ ДОРОЖНАЯ ПЕСЕНКА

Едешь к милой
На свиданье,
Так явись
Без опозданья.

Если сядешь
На верблюда,
Скажем прямо —
Дело худо!

Сердце мчится,
Как ракета,
А ему
Плывать на это.

Еле-еле
Тащит ноги,
Хоть слезай,
Проси подмоги.

Опоздаешь
На свиданье —
Не помогут
Оправданья!

То ли дело
На машине!
Скажут: «Легок
На помине...»

Села — мимо,
Скалы — мимо,
А она
Неутомима.

До любимой —
Час пути.
Год верблюду
Не дойти.

Нет! Машина —
Это чудо!
Я не сяду
На верблюда.

МОЛЧАНИЕ

Когда в плен попадал, обессилев, солдат,
Когда в тюрьмах пытали борцов

непрерывно,

Начиналось молчанье. Так горы молчат,
Напряженно застыв под грозою и ливнем,

То молчанье — кинжал, что не первый

уж год

Спит в ножнах, остроты не теряя нимало,
Или крепость, которую враг не возьмет,
Хоть на стенах немало защитников пало.

РИСУНОК К ЗАГЛАВИЮ

Я буду издан, вполне возможно,
Когда уж закончится счет моих дней,
И, может быть, будет искать художник
Рисунок к заглавию книги моей.

Он волен, но пусть он рисует все же
Клинок. Чтоб на книге блестел металл...
Как вынимают клинок из ножен,
Всю жизнь я из сердца свой стих
вынимал.

Казалось, что трудностям нету края,
Но с мужеством жил я, судьбу не кляня,
Я знал: если мужество я потеряю,
Любовь моя к жизни уйдет от меня.

Без мужества нет ни любви, ни свободы,
Ни дружбы, ни песни, ни дальних дорог,
И вот потому в эти трудные годы,
Как мужества знак, я целую клинок.

Художник на книге пускай нарисует
Клинок. Но не тот, что в крови чужой,
Такой мне не нужен, такой прокляну я,
Пускай он в земле весь покроется ржой,

Клинок, что творил над детьми расправу,
Гасил очаги, был всегда жесток...
Нет! Не такому клинку я славу
Пою — будь он проклят, такой клинок.

Убийство не мужество, подлость это.
Свободы клинок я теперь пою,
Пусть всем угнетенным он служит
светом,
Пускай помогает он им в бою.

Он создан из вечного гнева народа,
Из гнева народа и сердца его.
Над миром блистая как символ свободы,
Он вечно над рабством и злом торжество.

Прошло сквозь огонь справедливое
слово,
Каленая крепость отточенных строк.
Не надо на книге рисунка другого,
Художник, прошу, нарисуй мне клинок!

МОЕ СЛОВО

Мое слово взросло не в дворцах дорогих,
Где бездарности учатся ханов забавить,
Нет, в дворцовой тиши непокорный мой
стих
Никогда не учился насильников славить.

Мне служили подушкою выступы скал,
Надо мною орлиные крылья шумели,
Я на камнях дорог ноги в кровь разбивал,
Неустанно бродя по дорогам ущелий.

Вырастал я. И ветер играл в волосах
Среди зелени гор, где орлы пролетали,

Да, мой стих, по дыханью похожий на
взмах,
Водопады и горы свободным создали.

Если выйдет мне жить до скончания дней
В нищете, если буду босой и голодный,
Не опустятся крылья у песни моей,
Все равно, как орел, она будет свободной.

В ней останется тот же бесстрашный
полет.

(А иначе кого моя песня затронет?!)
Рабство смерти героической лишь трус
предпочтет.

Если струшу — пусть горцы меня не
хоронят.

ОГОНЬ ОЧАГА

Пока огонь есть в очаге твоём,
Тебе не страшно ничего на свете.
Он греет всех, и хлеб печется в нём,
Довольны жизнью старики и дети.

Не раз огонь родного очага
Нам враг хотел задуть, добраться
сияясь,
Когда свирепые клинки врага
Над родиной моею заносились.

Но как веками ни старался враг,
Чтоб он погас, врагу не удавалось.

В конце концов опять горел очаг,
А горести в прошедшем оставались.

За жизнь, за очагов своих тепло,
За то, чтоб пламя вечно трепетало,
Как много гордых храбрецов легло,
Как много крови их земля впитала.

Кровь храбрецов не зря рекой текла,
Не зря мы защищались, насмерть стоя:
Огонь не гаснет, горяча зола,
Жар очагов похож на кровь героев.

Родной очаг! Немеркнущий мой свет!
Жить без тебя и горестно и грустно,
Огонь не греет, в пище соли нет,
И лучший хлеб нам кажется
невкусным.

Для нас ты трудолюбие отцов
И матерей сердечная забота,
Пожатые друга, девушки лицо,
Луна и солнце, радость и работа.

Враги огонь гасили. Но во мгле
Мы защищали вновь его упорно,

И снова хлеб растили на земле,
Как счастье, светлый и, как горе,
 черный.

И будет хлеб. И зазвучат в ночах
Родные песни в нашем гордом крае:
— Да не остынет наш родной очаг! —
Всю жизнь я, как молитву, повторяю.

Я С ГОР ПРИШЕЛ

Я с гор пришел, где буран,
Я с гор пришел сквозь пургу.
Отряхни меня, Марзи-джан,
Видишь, бурка моя в снегу.

Я с гор пришел, где буран
Метет из конца в конец,
Где Эльбрус — как белый чабан,
Пасущий белых овец.

Я с гор пришел, где белы
Заснеженные пути,
Я с гор пришел, где орлы
Гнезд своих не могут найти.

Я с гор пришел напрямик,
С гор, где белым-бело.
Был надежен мой проводник —
Сердце меня вело.

Средь ущелий во тьме ночной
Путь нерадостен и тяжел.
Я не знаю, чтоб стало со мной,
Когда б не к тебе я шел.

Мне ночами казались дни,
Я видел одну пургу.
Обогрей меня, отряхни,
Видишь, бурка моя в снегу.

СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ

Я, люди, рожден на этой земле
Для того, чтобы вас любить.
Я ем ваш хлеб, омываюсь водой,
Принадлежащей вам.
И если мне бывает тепло,
То это от вашей любви.
И ваша радость — радость моя,
И ваше горе — горе мое,
Оно согнуть не в силах меня:
Ваша стойкость в крови моей.

Я все испытал. Все испытать —
Долг живущего на земле,
Которую то сжигает пожар,

То ласкает солнечный свет,
То моют ласковые дожди,
То оmyвает кровь.
Но в радостный час
И в горестный час
Я с вами бок о бок шел,
Я падал, вставал и жалобных слов
Старался не говорить.

Мужчины, я мужеством вашим
горжусь,
Вы мне говорили «друг»,
И руки мои были теплы
От пожатия ваших рук.
Одним я дымом с вами дышал,
В одних окопах с вами лежал,
Одна зола согревала нас,
Одна земля укрывала нас.
И пули с одним и тем же клеймом
Входили в наши тела,
И тогда замирали у нас на губах
Одни и те же слова.

Вы, женщины, были ко мне добры,
Хоть я вам и стоил слез,
Хотя из-за вас в моих волосах
Не мало седых волос.

Но я, усталый от бурь и невзгод,
Засыпал на вашей груди,
И улегалась в русло река —
Смятенье моей души.
И впадали притихшие воды ее
В море вашей любви.
Вы своими руками кормили меня,
Вы своими руками поили меня.
Вы дарили меня
Любовью своей,
Вы родили меня
И моих сыновей.

Поэзия,
Ты для меня была
Единственной святой.
Тобою гордился, тобою жил,
Но я не молился тебе, а служил.
И, если был в моей жизни хоть миг,
Когда я унизил тебя,
Я сегодня склоняюсь к твоим стопам:
— Прости заблужденья мои!

Я сегодня тебе присягаю опять,
Целую знамя твое.
Оно багрово, пробито в боях,
Как знамя моей страны.

Земля моя, где трава зелена,
Где ароматны цветы,
Земля, где хрустит под ногами снег,
Где песок под ногами хрустит.
Земля, где быстрые реки текут
И созревают хлеба,

Земля, где ночи сменяют дни,
Где трудимся мы, где боремся мы,
Я создан, чтобы тебя любить,
Я создан, чтобы тебе служить,
К тебе пришел я из небытия —
Оттуда, куда уйду.
Земля, я силен силой твоей,
Жизнью твоей могуч.
Я прижимаюсь бледной щекой
К смуглой щеке твоей.
Твоею радостью буду я жить,
Твоею сладостью дорожить,
Терзаться горем, кручиной твоей,
Пока не стану глиной твоей.

1956 –

1964

Я у слова расстегну рубаху
И птенца согрею на груди.

Симон Чиковани

огда с обидой и печалью
Я жил на горестной земле,
Мне снился ты за дальней далью,
Цветок на каменной скале.

Чтоб перед пламенем согреться,
Вздувал я искорку в золе
И вновь к тебе тянулся сердцем,
Цветок на каменной скале.

Кровинкой рдея над туманом,
Ты, не взлелеянный в тепле,
Моим остался талисманом,
Цветок на каменной скале.

Я, над раненым камнем склонясь,
горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому что хотел на нем видеть цветы.

Я над срубленным деревом в горе сидел,
Потому что хотел его видеть в листве,
Чтоб в тени его дети играли, хотел,
Чтоб лежала весь день его тень на
траве.

Жизнь любить не до слез, не до боли
нельзя.

Оттого-то и грустным порою я был:
Всех пропавших и павших оплакивал я,
Потому что живыми их очень любил.

ВОСПОМИНАНИЯ

И у меня воспоминаний много.

Они — как ливень, что стучит в стекло.
Какая ими пройдена дорога?
Откуда их сегодня принесло?

Да, много у меня воспоминаний.
Они — как книга, что держу в руках,
Как журавли — мои односельчане,
Что скрылись над аулом в облаках.

Их много. Вот на ослике впервые
Проехал я. Вот в речке голубой
Ловлю форелей слитки дорогие.
Вот день, когда вступил я в первый
бой.

И женщин голоса, глаза и лица,
И добрые и злые. И снега.
И смерть друзей в боях. И вьюга
злится.

И горько тлеет пепел очага.

Еврейка-девочка живьем зарыта
Фашистами в могилу. Но глаза
Открыты. И трава росой облита.
О, эта с кровью слитая роса!

Мои воспоминания. Раскрою
Их, словно книгу. Вот мои дела,
Дурные — и хорошие порою:
Не ангельскою плоть моя была.

Не я, а жизнь писала эту книгу, —
Как нужно было жизни, а не мне.
Здесь вечно все и все подвластно мигу,
Здесь ночи и рассветы в тишине.

Здесь горечь смерти. Бытия улада.
С чего воспоминания начать?
Так поступать велела жизнь. Так надо.
На всем — ее рука, ее печать.

Припомню ли ту ночь, когда впервые
Я с девушкой пошел на свет луны?

Припомню ли дороги фронтовые,
Когда, израненный, пришел с войны?

Но матери, что так была нужна мне,
Я дома не нашел. Огонь погас
В отцовском очаге. Я сел на камни
Немые и заплакал. Был приказ, —

Нет матери, соседей нет в селенье,
Вдали, в степях, мне близкие сердца.
И я себе казался в то мгновенье
Надгробьем над могилою отца.

И снова иногда я каменею,
Как вспомню обезлюдивший аул, —
Как будто черною бедой моею
Снег, белый снег там, за окном,
блеснул!

Я принял все, что принесло мне время.
И вместе с временем я шел вперед.
Другим на плечи не взвалил я бремя,
Я ночью знал, что день взойдет,
взойдет!

СТИХИ,
СКАЗАННЫЕ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

1

Опять пришла зима, и улица бела.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Прошли мы трудный путь, где за скалой
скала,
Где вихрь, и крутизна, и грозный гул
обвала.

Нельзя не говорить об этом — ты права.
И нам досталось то, что многим-многим
людям.

Чтоб не погас огонь, подкладывай дрова,
Воспоминания в душе гасить не будем.

Вновь посмотреть хочу, как в прежние
года,
Я на твое лицо, что ярко покраснелось
От пламени... Так шли года, так шли
всегда
И скрылись за грядой, что ныне в снег
оделась.

Следы их на твоём лице, среди зимы,
При свете пламени я вижу... «Скоро ль
пламя
На родине зажжем?» — так спрашивали мы
На дальней той земле, за снежными
полями.

2

На руки смуглые твои, в глубины глаз
При свете пламени смотрю. О них писала
Моя рука не раз, но грустно мне сейчас,
Что плохо я писал о них — и мало, мало!

Всегда в твоих глазах на дальней той
земле
Мне виделся Кавказ. И даже в день
унылый,

Отправился на фронт с седою головой,
Смотрел в лицо войны суровой силой
взгляда.

Он шел, как некогда в горах сквозь
снежный вой,
По окровавленным кварталам Ленинграда.

Отваге, верности он клятву дал свою,
И жизни собственной была сильнее присяга.
Седого горца жизнь оборвалась в бою,
С горящим городом слилась его отвага.

4

Бесстрашно умер он: ведь он бесстрашно
жил.

Таким не суждено окончить жизнь в
постели.

За родину свою он голову сложил,
Тебя же унесли жестокие метели.

Ты помнишь, девочка, морозы февраля,
Степные дальние просторы Казахстана,
Тоску изгнания и снежные поля?
Как рано боль души узнала ты, как рано!

Отец лежит в снегах, путь преградив врагу.
А ты ждешь весточки, подросток, дочь
солдата.

Твоя печаль — как след кровавый на
снегу...

Мы грелись у огня на том снегу когда-то.

Не пропадет вовек та пролитая кровь.
И скорбь не пропадет. И в этом есть отрада.
Пусть правда ранена — она воспрянет
вновь...

За горький мой рассказ меня винить
не надо!

5

В черкеске белой снят отец твой на стене.
Он строен и высок, при нем кинжал
старинный.

Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говорит: «Кулиев, будь
мужиной!»

Мне кажется: вот-вот он выбежит на круг,
Запляшет, как плясал на свадьбах в дни
веселья.

А видно, что плясал он лихо! Сотни рук
Ему стучали в лад и пели с ним ущелья!

Я верю: брал легко он трудный перевал,
Бросался он в огонь, в бушующую воду.
Я верю: он с врагом как нужно воевал
За правду, за людей, за честную свободу.

Твой сын — наш сын — похож на твоего
отца.

Ничто не может зря пропасть, ничто
не может!

Та пуля, что летит в бойца, — пронзит
бойца...

Прости, что мой рассказ былую боль
тревожит.

6

Опять пришла зима. Опять бело кругом.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Воспоминания пришли, как гости, в дом,
Так пусть у очага погреются сначала.

При свете пламени я вижу: возле рта
Морщинки у тебя. А провели их годы
И за холмы ушли. К чему им быстрота?
Но время — как река, они одной породы!

Вновь на лицо твое, как в той степной
дали,
При свете пламени смотрю. Зима блистает.
Как на деревья снег, легли года, легли
На волосы твои. И этот снег не тает.

В том доме, где с тобой о прошлом
говорю,
Где некогда очаг затоптан был сурово,
На волосы твои, на руки я смотрю
При свете пламени, что засияло снова...

Пусть утес не достигает облака,
Безымянный, он который век,
Не гордясь неповторимым обликом,
Терпит летний дождь и зимний снег.

Не придумано ему названия,
В книгах про него не говорим,
Но утес в своем величье каменном
Не завидует горам большим.

Ручеек, свое шлифуя ложнице,
Скачет меж неведомых камней
И, безвестный, вовсе не тревожится
О безвестной участи своей.

В мире реки есть, до славы жадные,
В них порою не достанешь дна,
В городах кафе перворазрядные
Звучные их носят имена.

Реки по земле текут огромные
И ручьи, воспетые стократ,—
Им не подражая, реки скромные
Носят лодки, земляков поят.

Друг, не подражай чужой огромности,
На чужой не зарься пьедестал.
А завистлив ты — завидуй скромности
Малых рек и безымянных скал.

Ценю я с нежностью и строгостью
Ту доброту, как человек,
Ту доброту, что пред жестокостью
Вдруг не растает, словно снег.

Ценю я доброту суровую,
Всегда за правду на костер
Взойти пред временем готовую,
Жестокости наперекор!

Не я ль ревел подранком-туром
В твоём безбрежье бурых скал?
Не я ль в твоём заснежье хмуром
Голодным волком завывал?

То смертником, в крови застылой,
Лежал на снежной целине,
То ласточкой в степи унылой
Летел я с вестью о весне.

Но все ж я ни теперь, ни прежде
Тебя, земля моя, не клял,
И в час беды и в час надежды,
Как знамя, край твоей одежды
Я целовал.

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно.

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя придавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали.

Мы все, кто грешен был или безгрешен,
Перед бедой не распростерлись ниц,
И справедливость, как листья орешин,
В мечтах и снах касалась наших лиц.

Путь мой был труднее с каждым днем
В той дороге трудной к цели дальней,
Был я и железом и огнем,
Был и молотом и наковальней.

Был я дичью, крался по лесам,
Был стрелком — и кем я только
не был,
Птицею был в клетке я и сам
Птицу выпускал из клетки в небо.

Чем дремучей край, чем больше кладь,
Тем труднее путь землепроходца.
Лишь слепые могут полагать,
Будто зрячим все легко дается.

Чужой бедою жить не все умеют,
Голодных сытые не разумеют.

Тобою, жизнь, балован я и питан,
И впредь со мною делай что угодно,
Корми как хочешь, но не делай сытым,
Глухим, не понимающим голодных.

ЖИТЬ, УДИВЛЯЯСЬ

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.

Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни
пытаюсь.

Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь.

Текут ручьи, звенят их голоса,
Я слышу моря гул и птичье пенье.
Земля нам дарит щедро чудеса
И ждет взамен труда и удивленья.

Порою смысл в надгробной речи
есть ли,
Зачем она умершему, к чему,
Душевных слов вы не успели если
Сказать за годы многие ему?

Как часто не хватает добрых слов нам,
Они волшебны, добрые слова,
И в холода нас согревают, словно
Кизилловые пылкие дрова.

Ростков не даст до времени зерно нам,
Согреть земля должна его сперва.
Чтоб высечь пламя, и сердцам
кремневым
Необходимы добрые слова.

Охотник, волку в пасть втокнув
кинжал,
Безжалостно швырял на землю зверя,
Но мотылька рукою отгонял
От пламени, зажженного в пещере.

Я тоже так на свете жить привык,
Жить, даже муравью добра желая.
Хочу, чтоб только чистую ледник
Гнал воду вниз, на солнце в зной
сверкая.

Сижу, пишу, а за окном моим,
Играя, мальчик пробегает часто.

Хочу, чтоб счастье подружилось
с ним.
Ведь это радость — видеть рядом
счастье.

Пишу. А во дворе старик сидит,
И дерево задумалось с ним рядом,
Старик молчит, и дерево молчит,
Но оба смотрят вдаль спокойным
взглядом.

А если будет вдруг подмят бедой
Старик, иль рухнет дерево от гуда
Ветров, иль мальчик станет сиротой, —
И я не буду счастлив. Нет, не буду.

ДРОВА

Мы говорим: «Огонь, согревший нас...»
Не говорим, что нас дрова согрели.
Мы о дровах молчим. А ведь как раз
Они нас грели. И они — сгорели.

Горят дрова, чтоб было нам теплей.
И дерево золой и углем стало.
А мы, привычке верные своей,
Твердим: «Горит огонь...» Нам горя
мало.

Дрова сгорают ради нас в огне,
Безмолвно предают себя сожжению.

Благословенны вы, в любой стране,
В любой печи горящие поленья!

Они стволами были, их листва
Нас укрывала в летний день от зноя.
Теперь они горят, они — дрова.
Они нам служат, жертвуя собою.

Горят дрова. Как щедрость их добра,
И неизменна, и благословенна!
Промокший путник, греясь у костра,
Их доброте извечной знает цену...

МОЛНИЯ

Молния! Даже названьем сверкаешь —
Так ты красива. Но вдруг ни с чего
С маху по дереву ты ударяешь,
В пепел, в золу превращая его.

Молния! Даже название искрится.
Что ж ты врываешься в окна домов —
К детям, которым, наверное, снится
Завтрашний день, белизна облаков!

Молния — свет, озаряющий горы!
Рухни, полнеба на миг освети.
Только в аробщика или шофера,
Только во всадника не попади.

Молния! Змеи гнездятся в ущелье.
Их и казни гордой силой своей.
Но не деревья. И не колыбели.
И не промокших в дороге людей!..

Года уходят навсегда,
Они, как ливни, иссякают.
Подобно ливням, и года
Неодинаковы бывают.

Года бывают как дожди,
И проливные и скупые,
Года похожи на дожди:
Бывают добрые и злые.

Год умирает навсегда,
И так бывает: год грядущий
Вновь воскрешает города,
Что разрушает предыдущий.

ПОКОЯ НЕТ

Покоя не было и нет в помине.
Вершит орел недобрый свой полет,
Снег, оползая, тает на вершине,
В низине ветром дуб столетний гнет.

Покоя нет. Луну закрыли тучи,
Шнур подожжен, взрывчатка скалы
 рвет,
Пчела, пораня грудь о куст колючий,
Ценою горькой добывает мед.

Покоя нет и не было от века:
Опять сверкает молния в горах,
И камень, словно сердце человека,
Сгорают, превращается во прах.

Кремень — кремень, и только.
Но, встретясь, два кремня
Становятся надолго —
Источником огня.

Что наше сердце, если
Другого рядом нет?
Сердца лишь только вместе
Несут огонь и свет.

Вдали снега подернуты туманом,
Вершины пригибает снежный груз,
Большое солнце, прячась за Баксаном,
Краснеет, как разрезанный арбуз.

Два каменщика трудятся упорно,
В руках спорится дело и горит.
Один из них сооружает жернов,
Другой надгробный памятник творит.

Гранит упорен, искры отлетают,
Во славу жизни этот тяжкий труд.
Пришедший в мир ест хлеб и умирает,
И мертвым честь живые воздают.

Стучат каменотесы, знают оба —
Живым нужна мука, чтоб хлебы печь,
А мертвых пусть не воскресит
из гроба,
Но можно имя для живых сберечь.

И вновь два камня — с одного
утеса —
Сегодня подтверждают эту связь.
Я вижу, что в труде каменотеса,
Как и везде, со смертью жизнь
сплелась.

Кружится мир, и радуясь и плача,
В нем смерть, и жизнь, и вечный
их союз,
И всходит солнце, за Баксаном
прячась,
Краснея, как разрезанный арбуз.

Земля поглотит все. В ее утробе
Все канет, все исчезнет навсегда.
Лишь глыбы скал чернеют,
 как надгробья
Над тем, что погибает без следа.

А наши дни и вовсе быстротечны,
Но, как ни краток век, я не даю
В обмен на эту каменную вечность
Ни жизнь, ни песню бренную свою.

СТАРИННАЯ ЗАПОВЕДЬ

Скажут: «Меньше тебя нет никого!» —
Ты не гневись!

Скажут: «Больше тебя нет никого!» —
Ты не гордись!

Будь стоек, как камни эти, молчащие
И в бурю и в снегопад,
Будь щедр, как деревья, тень
приносящие

Всем, кто прохладе рад.

Учись, как потоки эти упорные,
Себе прокладывать путь.

Что б ни стряслось, как снега эти
горные,

Чистым и светлым будь!

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

Порой и туры чахнут и болеют
В своих горах, достигнувших небес.
Порой и реки шумные мелеют,
И молнии испепеляют лес.

И нас на свете жизнь не только
греет,
А шлет нам молнии своих невзгод.
Но мы не проклинаем, а мудреем,
Приемля все, что жизнь нам ни
пошлет.

Издrevле люди в страхе и смятенъе
Рычанье тигра слышали вдали
И радовались, слыша птичье пенье,
Когда по рощам вечером брели.

Огромный зверь неистовствует, злится
Уже не первый раз, не первый год,
Но слышат люди: маленькая птица
На ветке в роще радостно поет.

ГРОЗА

На свете есть снег; он белеет и тает.
Есть грозы; весны без грозы не бывает.

Есть руки любимых — они горячи,
Есть пламя, что нас согревает в ночи.

Есть тихие песни и спящие дети,
Но жизнь без грозы не бывает на свете.

Мне слышится друга журчащая речь,
Мне дышится хлебом, сающимся в печь.

Есть в мире манящие далью дороги,
Орленок в гнезде, медвежонок в берлоге.

Есть память о детстве, родительский дом,
Есть листья, омытые теплым дождем.

Есть книги, на полках стоящие в ряд,
На свете есть небо, где звезды горят.

Но в мире есть грозы — они громяхают.
Об этом одни лишь глупцы забывают.

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я столько видел горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Уже я прожил десять тысяч лет.

Меня работа ждет и манят дали,
Я столько строк еще не дописал,
Что кажется порою: не вчера ли
Я на коленях матери играл?

ГЛАЗА МАТЕРЕЙ

На свадьбах веселых поют сыновья —
Радость в глазах матерей,
На бурках убитых приносят друзья —
Горе в глазах матерей.

В глазах матерей и осенняя даль,
И весна, что цветет у дверей.
Я видел и радость земли и печаль —
Я видел глаза матерей.

Лишь мертвые не ведают тревог,
Не видят ничего они, не слышат,
А к нам тревоги входят на порог
И, как сентябрьский дождь, стучат
по крыше.

Лишь мертвые не ведают забот,
А мы с тобой не мертвецы, не боги.
Нас пламя жжет, и снова в путь зовет
Привычный клич заботы и тревоги.

Ты скажи на милость, человек,
Чье лицо покрыто черной тенью,
Что с тобой случилось, человек,
Где решил искать ты утешенья?

Перед тем как разойтись нам прочь,
Сетуя на дождь и непогоду,
Чем, скажи, могу тебе помочь,
Что мне сделать, брат, тебе в угоду?

Я в одну, а ты в другую даль,
Мы уйдем, и разлучит нас вьюга.
Стал я старше на одну печаль,
Ты — на одного богаче друга.

Все было! Дни удач и дни невзгод.
Бывало трудно и легко идти.
Я видел радуги спокойный свод
И грозовую молнию в пути.

Я не попутчик тем, кто путь свой весь
Пройти мечтает в солнечных лучах.
Люблю я мир таким, какой он есть,—
С травою и заносами в горах.

Быть может, горе вновь придет в мой
дом,
И, голову на руки уроня,

Голодный, сяду я с бедой вдвоем
У очага, в котором нет огня.

Но, зная все, я все же не могу
Не славить вас, поля и небеса,
Вечерний луч, запутанный в стогу,
Весной сады, где на ветвях роса.

Сестра моих печалей и побед,
Люблю тебя, бумага на столе,
Слова, друг другу скачущие вслед,
Как кони по дымящейся земле.

Я знаю цену хлебу и вину,
Я рад грозе, и радуге я рад.
Я славлю мир: и осень и весну,
Его и нежный и суровый взгляд.

На земле, и солнечной и снежной,
Не в соседстве ль камень
с виноградом?
Твердость камня, винограда нежность
Разве у меня в душе не рядом?

На земле, и солнцем озаренной,
И посеребренной снегопадом,
Обручен я с песнею, рожденной
От соседства камня с виноградом.

ИНЕЙ

Сверкает иней, выпавший
Зимою во дворе.
Башлык морозом выпушен,
И бурка в серебре.

Изменчивого облика,
Но верная себе,
Солома белым облаком
Вздывается в арбе.

У ишака чуть синие
Бахромки под губой.
Покрыты скалы инеем,
Как дымкой голубой.

Ужели я, ужели я
В алмазной стороне?
Чегемское ущелие
Все в голубизне.

И я заиндевелые
Не в первый вижу раз
Овечьи морды белые
С печалью темных глаз.

И близкие и дальние,
Деревья все подряд
Как будто бы хрустальные:
Качнешь — и зазвенят.

И словно вижу детство я:
Как к солнцу на снегу,
Едва успев одеться, я
Из дому бегу.

И тем я счастлив именно,
Что светел холод дня.
Что воротник от инея
Искрится у меня.

Как мехом оторочены
Двери и порог.

И вижу я отточины
На крыльях у сорок.

Отца посеребренные
Кончики усов.
И елочки оконные
Из сказочных лесов.

А мама заскорузлые,
Облитые льдом,
Початки кукурузные
С мороза вносит в дом.

Люблю зимой нашествие
Инея, когда
Овечьей белой шерстью он
Облепит провода,

Когда в часы морозные
Я на стекле окна
Загадочные, звездные
Читаю письма.

Новый год, как с добычей охотник,
В белой бурке спускается с гор,
И во многих квартирах сегодня
Вспыхнет елки зеленый костер.

Снег летит, снег летит, и воочью
Вижу поле далекое я,
Где встает новогодней ночью
В наступление рота моя.

Ах, как молоды мы еще, кстати,
Батальонный у нас тамада.
Кровь багрит белоснежную скатерть,
И падучая блещет звезда...

Новый год постучался в ворота,—
Что ж я плачу, смешной человек?..

...Все идет в наступление рота,
И ложится ей под ноги снег.

Не знаю, был ли хлеба я достоин,
Того, что ел всегда и ем сейчас.
Был чист ли я перед землей родною,
Где этот хлеб был выращен для нас.

Длинна ль — не знаю — жизни нашей
повесть?

Но я хочу, чтоб и в последний час
Моя, друзья, чиста была бы совесть,
Как хлеб, которым угощаю вас.

Уснуло ущелье ночное,
Чернея, в нем речка журчит.
Как буйвол, под темной скалою
Чернеющий камень лежит.

Так судьбы родного народа
Бывали черны ни с чего.
Но черной и в черные годы
Не стала душа у него!..

Я помню: и снег был черный —
Так день этот был тяжел.
И, с болью борясь упорно,
Шатаясь от ран, я шел.

Вокруг меня лес горел,
Казалось, я сгину скоро!..
Но я и тогда смотрел
На жизнь, как на белую гору.

Я люблю самоотверженность и смелость тура,
Что стоит в карауле, возвышаясь над
стадом,
Ловит запахи ветра, хоть и знает, что
дуло,
Наведенное в сердце, может прятаться
рядом.

Если близок охотник — быть спасенья
не может,
Тур стоит на утесе совершенно открыто.
Да, он знает, что пуля его первым уложит,
Но спасется все стадо, — потому и стоит он.

С высоты озирает он деревья и камни,
А заметит охотника — он не зря
в карауле:
Бьет тревогу он, прыгает, ударяясь рогами
О скалу из гранита, — и уходит от пули.

Если гибнуть, так гибнуть от скалы,
от паденья,
Не от вражеской пули, не от злого
прицела!
Издает оглушительный свист и в то же
мгновенье
На рога свои крепкие в пропасть прыгает
смело.

А потом поднимается и идет, невредимый!
...В красоте и свободе тоже мощь есть
такая:
Пусть теснят их подчас — они
непобедимы,
Смело прыгают в пропасти и не
погибают.

Да, раны, нанесенные любовью,
И раны, нанесенные войной,
Болят равно, равно нам стоят крови
И жгут нам сердце жгучестью одной.

Ведь нам, еще когда вошли мы в силу,
Чтоб научились радость мы беречь,
С цветами вместе юность меч вручила,
И это наша жизнь — цветы и меч.

На горы выпал первый снег.

О, если б так ты мог прислать
Весть о себе! Но вести нет,
И ждет ее годами мать.

Как весть горам, был в эту ночь
Снег, первый снег за этот год.
За ночью ночь уходит прочь,
Весть о тебе так не придет.

Ты — там, где не гремит гроза,
Где снег вовеки не пойдет.
Жестокость ясные глаза
Твои закрыла. Мать все ждет.

Шел ночью снег. О, если б так
Весть о себе ты мог прислать!
Но затерялась весть в годах,
И ждет ее все время мать.

О, мысли горькие о тех,
Кто не вернулся в отчий дом!
О них ли весть внезапный снег?
Нам не узнать вовек о том!

Моря и океаны. Я немало
О них узнал. Они, как жизнь, мощны.
Их мать моя ни разу не видала,
А я люблю их, мне они нужны.
Но речка, что скалу насквозь
пробила, —
Она мне удивительней стократ:
Ведь из нее веками люди пили,
И каждый был воде прозрачной рад.
Мой детский лепет повторяя странно,
Она несется вниз, шумит, поет.
И вижу я моря и океаны,
Когда смотрю в теснине на нее...

«Право же, трудно и мне», —
Раненый камень об этом,
С кем говорил в тишине?
С сумраком, что ли, с рассветом?

Мне ли помог в этот миг,
Раненый и одинокий?
Камня язык я постиг,
Камня я понял уроки!

«Вынес я все в трудный час», —
Камня слышал я слово,
И по земле своей снова
Шел я, у камня учась...

«Растет ребенок плача» — есть
пословица.

Но если плач ребенка слышу вдруг,
Так больно сердцу моему становится,
Как будто горы в трауре вокруг.

Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

В мой легкий день я буду вспоминать
Пирь, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твое лицо и руки.

В мой легкий день я буду вспоминать
Вином пиров наполненные чаши.
В мой трудный день я вспомню только
мать
И горы, горы наши.

Всегда, мой друг, наглядна высота.

Она — как жизнь. И видишь утром
рано:

Одна вершина светом залита,
Другая — в сизом мареве тумана.

Бок о бок кружат по одной горе
Печаль и радость — вечные тропинки.
Справляют на одном дворе поминки,
Играют свадьбу на другом дворе.

Зеленая и желтая трава,
Мед и полынь, затишие и грозы.
Исчез бы смех, когда б исчезли слезы.
Жизнь по своей природе такова.

Следы ранений на камнях видны,
А в душах человеческих — сокрыты.
Своей не замечаем мы вины,
А в грех чужой стреляем, как
джигиты.

Скалы холодной раненую грудь
Бинтуют предрассветные туманы.
Когда б ты смог мне в душу
заглянуть,
Еще одной не наносил бы раны.

Когда глядите сквозь листву ольхи
Вы, лежа на спине у самой речки,
То кажется, что небо постирали
И, подсинив, повесили сушить.

Но если вы прищуритесь, то сразу
Оно и синим станет и зеленым,
Как мальчика счастливого глаза,
Которому в реке по пояс солнце.

Я сквозь листву ольхи гляжу на небо,
Зеленое оно и голубое.
Мне хорошо от мысли, что таким
Его увидят и мои потомки.

Качаешь ты грустно гнездо позабытое,
Бьет тебя ветер, как будто клюкой.
Дерево, дерево, снегом покрытое,
Как ты стоишь в крутоверти такой?

Как выживаешь ты в пору студеную?
Все от колючего снега бело.
— Мысленно буйную шапку зеленую
Я надеваю, когда тяжело!

Умеет выбрать истинный стрелок
Мгновение, чтоб спустить курок,
И золотом зовется не молчание,
А мудрость слова, сказанного в срок.

Нередко, кто от истины далек,
Выхватывает лезвие не в срок,
А слово мудреца — всегда до времени
В холодных ножнах дремлющий
клинок.

Дороге в грудь спокон веков
Стучали осликов копытца.
Сегодня снег над ней клубится
И слышен грузный шаг быков.

Красна калина на снегу,
И я, в плену былой тревоги,
Забуть след волчий на дороге
И пятна крови не могу.

Я МОГ БЫ СРАЖАТЬСЯ
В МАДРИДЕ

Я мог бы сражаться в Мадриде
И пасть за Гренаду в бою.
И солнце, пылая в зените,
Смотрело б на рану мою.

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:
Лик мужества ясен и светел.
Чужбины для подвига нет.

Я отдал бы все без отказа,
Там жизнь бы свою завершил —
И благословенье Кавказа
Дошло б ко мне с древних вершин.

Я мог бы в Мадриде сражаться:
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

Кто может выгоде в угоду
Кричать о том, что ворон — бел,
Тот не поэт и не был сроду
Поэтом, как бы он ни пел.

И тот, кто говорит без риска,
Что плох хороший человек,
Пусть даже не подходит близко
К святой поэзии вовек.

За правду голову сложить
Дано не каждому, но все же
Героем может он не быть,
Но быть лжецом поэт не может.

Кто б ты ни был, будь готов в дорогу,
Мысли о бессмертье — это блажь.
Я не о бессмертии, ей-богу,
Думаю, берясь за карандаш.

Как умение строгать тесину,
Мысль стара, и даже дураку
Ясно: все мы превратимся в глину,
Что б ни написали на веку.

Я работал не бессмертья ради,
Я писал, бывало, день-деньской,
На траву лугов, на небо глядя,
Удивляясь доброте людской.

Все, что пел я, пел я поневоле,
Погибал я у земли в плену,
Видя золото пшеницы в поле
И подсолнечную желтизну.

Пел я, видя море в отдаленье,
И скалу, подернутую мглой,
Потому что сам я на мгновенье
Становился морем и скалой.

ПОЭЗИИ

Поэзия — земля моя, бывало,
Я ливнем был, поил твои луга,
Порою надвигался я обвалом
И с грохотом катил к тебе снега.

Под знаменем священным и высоким
Я был солдатом твоего полка,
Твоим притоком был, твоим потоком,
Когда казалось мне, что ты река.

Не богом, не пророком, богом данным,
Когда с туманом смешивался дым,
Наградой обойденным, безымянным
Твоим посыльным был и часовым.

Мне в жизни никогда не станет
горько,
Казаться будет мне, что мир хорош,
Покуда я могу вставать на зорьке
И понимать, что ты еще живешь.

А ты меня за службу и за дружбу
Оберегай не от беды и гроз —
От легкой славы и от равнодушья,
Чтоб я тебе позора не принес.

Все дороги, все тропы земли,
Что протоптаны кем-то и где-то,
Где б ни начались, где б ни легли,
Все прошли через сердце поэта.

Тьма ночная, покрывшая даль,
Пусть кого-то пугает могилой,
Для поэта она — словно шаль
На плечах его матери милой.

Пусть наш мир непригляден на вид,
Пусть его проклинаят иные,
Но поэт на просторы глядит,
Как любимой в глаза дорогие.

Боль и радость ста тысяч судеб
Поднимая, как ношу на плечи,
В час, когда пропекается хлеб,
Вместе с вами стоит он у печи.

И горячие сгустки свинца,
Непреклонно летящие к цели,
Рикошетом и в сердце певца
Попадают, куда б ни летели.

БЕТХОВЕН

Он так писал, как будто возводил
Руками горы на земле высокой,
Он друг на друга скалы громоздил
И сам бродил меж ними, одинокий.

Как будто на заре, бросаясь вплавь,
Переплывал он море ежедневно
И пропасть перепрыгивал стремглав,
Скал не страшась, уверенный
и гневный.

Он так писал, как будто по ночам
Ловил руками молнии и тучи

И тюрьмы мира в пепел превращал
В единый миг усилием могучим.

Как будто сам всходил на высоту
Воздвигнутых им гор, добыв победу.
«Ценю всего превыше доброту!» —
Он говорил, пройдя сквозь мрак и беды.

ИГРАЮТ ШОПЕНА

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят
за окном.

Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший
дом,

Изранены сумерки, вечер смешался
с дождем:

Играют Шопена.

Луна над землею. И девушка смотрит,
бледна.

И руку на сердце свое положила она.

След крови на свежем снегу. И вокруг —
тишина;

Играют Шопена.

Готовые пасть за свободу в чистейшей
из битв,
Бойцы атакуют. Кровь льется. Сражение
кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять
победит:

Играют Шопена.

В пути журавли заблудились, курлычут,
кричат.
Но, как ни кричи, нет пути ни вперед,
ни назад.

И ранен повстанец. Он прячет
измученный взгляд:
Играют Шопена.

От стаи журавль отстает. Слышен клекот
орла.
Журавль разбивается — брызнула кровью
скала.

Вернулась зима и могилы опять замела:
Играют Шопена.

Хоронят бойцов — тех, кто пал за свой
гордый народ.
И ветер о скорби притихшим деревьям
поет,

Над бездной времен — безучастных
снежинок полет:
Играют Шопена.

Мужчина сидит. Зубы сжаты — ничем
не разжать,
Прикрыты глаза. Бесполезно его утешать.
Но волосы гладит ему его старая мать:
Играют Шопена.

Трава прорастает. И вновь оживает
любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но — нет! — не забыты
ни горечь, ни кровь!
Играют Шопена.

Растаяли льды и снега моей горной
страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена...

Тревога сердца озадачит,
Во мне отзовется стихом,
А маленький мальчик все скачет
На палочке тонкой верхом.

Беспечному всаднику сладко
По улицам мчаться с утра.
Ах, первая в мире лошадка,
Кобылка лесного тавра!

И мальчик не пеший, а конный
Несется навстречу векам,
И веточкой, веткой зеленой
Он хлещет тебя по бокам.

Резвей ты любых иноходцев
И внемлешь не только трубе,
И лошади всех полководцев
Завидовать могут тебе.

И запах трав был стар и горек,
И опьянял он, как вино.

Ты нежно пела: «Лорик,
лорик...» —

И стыло в елочках окно.

Я видел тучи край лиловый,
Дороги мокрую спираль,
Я видел праздник вечно новый
И вечно старую печаль.

Засыпан снегом горский дворик,
А звезды трепетнее свеч.

И словно слышу: «Лорик,
лорик...» —

И годы сбрасываю с плеч.

ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ

Судимый мыслями повинными,
Не поднимая грешных глаз,
Я перед горными вершинами
Краснел и каялся не раз.

Веков седыми старожилами
Считаю я вершины гор,
И горько мне, когда вершинами
В мой адрес высказан укор.

Себя я праздником пожалуйю,
И снова в сердце пир горой,
Когда вершинам гор хоть малую
Доставлю радость я порой.

Вблизи вершин вольнее дышится,
Я это знаю не один.
И откровеннее нам пишется
Вблизи вершин, вблизи вершин.

И храбрость верх берет над
робостью,
И сладко мне, когда строка
Литым мостком висит над
пропастью
И вровень с нею облака.

И для меня, не одинокого,
Сумели вы с далеких пор
Мерилом стать всего высокого,
Вершины гор, вершины гор!

Я вас люблю, мои суровые,
За похвалу и приговор,
Наставники седоголовые,
Вершины гор, вершины гор!

Вы, подарив мне ястребиную,
Заоблачную высоту,
Вдохнули в грудь неистребимую
О восхождении мечту.

БЕШМЕТ

В нем горец и пахал и сеял,
Шел на врага, плясал и пел,
И вот бешмет висит в музее,
И пот на нем окаменел.

А я стою, гляжу с любовью
И вижу старые следы
Давным-давно пролитой крови,
Я слышу запах этой крови
И запах первой борозды.

За все мои грехи и заблужденья,
Земля моя, не знал я до сих пор
Страшнее кары, чем твое презренье,
Страшнее, чем безмолвный твой укор.

Что может быть суровей и печальней,
Чем приговор земли, где жизнь прожил,
Где, словно совесть горцев, снег
кристальный
И чисты камни дорогих могил.

ТАНЕЦ

Пол гудит в просторной сакле,
Стук подошв, свирели звон —
Все мелькает, словно сабли,
Вырванные из ножен.

Танец гор, хмельной и сладкий,
Как, в какой далекий год
Выдумал тебя не падкий
На веселье мой народ?

Может, он, забравшись в выси,
В блеске радостного дня
Этот ритм из сердца высек,
Словно искру из кремня.

Или высек в день ненастный,
Чтобы рук не опустить,
Чтобы мир свой, мир несчастный
На мгновенье озарить.

...Зрители устали хлопать,
А танцующий джигит
Вновь взлетает, словно пропасть
Он вот-вот перелетит.

Но, на миг прервав круженье,
Замер он и сделал вдруг
Чуть заметное движение,
Приглашающее в круг.

Слушаясь беспрекословно,
Вышла девушка — и в пляс,
Распростерла руки, словно
В облака взлетит сейчас.

Пол гудит в просторной сакле,
Стук подошв, свирели звон,—
Все мелькает, словно сабли,
Вырванные из ножен.

ПРЕДКИ МОИ

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

Я не пою, а пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна,
Но без терпенья, без вашей отваги
Грош мне цена,
Грош мне цена!

*Я на своих опираюсь предтечей.
Так, зажимая рану свою,*

Вы опирались друг другу на плечи
В смертном бою,
В смертном бою.

Я удивляюсь величию и силе
Песен, звучавших в минувшие дни.
Предок мой, прадед мой, нас
породили

Горы одни,
Горы одни.

Вспыхнет весенняя молния где-то,
Сплю я, и кажется мне иногда:
Вместе мы скачем и с наших бешметов
Льется вода,
Льется вода.

Видел я много не виданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, возвратясь, припадал я губами
К отчим камням,
К отчим камням!

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

ПРОМЕТЕЙ

Прометей, прикованный к скале,
Как сама скала, велик и вечен.
До сих пор кружит орел во мгле
И клюет кровавым клювом печень.

Сила Прометея до сих пор
Царствует — она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит.

Родина, в ущельях снеговых
На вершинах этих первозданных
Сколько за века прошло твоих
Горцев — Прометеев безымянных.

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им: — Будьте в трудный час
Прометеями, сыны Кавказа!

ЭЛЬБРУС

Ты — мечта людская, что на крыльях
Высоко под небо вознеслась.
Горцы бога своего молили,
В сторону твою оборотятся.

Видели вдали тебя герои,
Погибая в праведном бою,
Прорубали горцы, сакли строя,
Дверь и окна в сторону твою.

Глядя вдаль, на вечный снег без края,
Зная, что никто им не владеет,
Бедный горец, бедность забывая,
Сам себе казался богатеем.

Любой навет заранее приемлю,
Но про меня, когда мой час пробьет,
Сказать, что не любил родную землю,
Едва ль на ум кому-нибудь придет.
Кто скажет, что в разлуке мне не
снились
Родимых гор снега и ледники,
Что я не видел, как потоки бились
И глыбы скал дробились у реки!
Что я на землю не глядел влюбленно,
Не озираю родимые края
Так, словно на ее пологих склонах
В малинниках горела кровь моя!

Я знаю вкус меда и соли твоей,
Земля моя дорогая.
Снег твоих гор и травы степей
Я мял, к тебе припадая.

Я кланяюсь горным твоим снегам
И травам твоей равнины,
Твоим плугам, к чьим лемехам
Прилипли комочки глины.

ПЕСНЯ СУХОЙ ЧИНАРЫ

Надо мной плыла когда-то
Птичья стая,
Подо мной была когда-то
Тень густая.

На ветру я песни пела.
Мне, бывало,
Вьюга ветви снегом белым
Пеленала.

И с ветрами и с дождями
Я дружила,
И луна меня ночами
Серебрила.

Я, как добрая царица,
Не скупилась.
В тень мою какая птица
Не садилась?

Корни, ветви буря злая
Не сломила,
Крепкий ствол пила стальная
Не спилила.

Мало мне на белом свете
Жить осталось:
Что не может сделать ветер,
Может старость.

Пусть по веткам оголенным
Дождь стекает,
Птица к деревьям зеленым
Улетает.

Мой конец топор прочертит,
Я исчезну,
Но своею буду смертью
Вам полезна.

Запою в печи гудящей,
Как бывало,

Будто мне, огнем горящей,
Горя мало.

Мы, деревья, как герои —
Умираем,
Что деревья, что герои —
Мы сгораем.

Ветер кажется белым-белым:

Он летел по снежным пределам.

Ветер кажется мне зеленым:

Он летел по лесистым склонам.

В нем — дыханье свежих платанов,

В нем — дыханье снежных становий,

В нем — дыханье древних туманов,

Запах меда и запах крови...

Будь я живописцем, там, на скалах,
Как бы я тропинки рисовал!
Это мысли путников усталых...
Вот они, уйдя за перевал,

Тянутся в тени чинар зеленых,
Это матери моей печаль,
Как печаль тех сумерек бессонных,
Что уходит по тропинкам вдаль.

То печаль балкарок, кабардинок,
Матерей... О, кто бы написал
Горскую задумчивость тропинок
На вершинах и в теснинах скал!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ КЯЗИМА МЕЧИЕВА

Это книга — иль это народа родного
Сердце, полное смуты, пыланья,
томленья?

Слышу мудрой горянки душевное слово,
Слышу рев пораженного пулей оленя.

Это книга — иль это народа родного
Сны, которые снились в ночные туманы?
Вижу крови следы на скале, вижу снова:
Тур срывается в пропасть, страдая
от раны.

Это книга — иль это народа родного
Боль, терпенье, и мудрость, и жизни
начало?

Или это вода из ключа, из живого,
Та, что горцев от ран боевых исцеляла?

Это книга — как зов, что звенит
издалече,
Весть о тех, кто прошел, головы
не склоняя,
Мимо бездны, взвалив на широкие плечи
Камни бед, камни горя сурового края.

Эта книга осталась как их завещанье,
Эта книга — как память о времени
зломном,
Эта книга — и встреча с былым,
и прощанье,
Эта книга — как надпись на камне
надгробном.

Это к нам из-за гор голоса долетели
Тех, кому до мечты доскакать так
хотелось.
Это ярость борца, это песнь колыбели,
Боль надежды, и ум, и безумная
смелость!

Не пни вековые на выжженных

склонах —

Я славлю чинару в побегах зеленых,
И землю, ее вскормившую,
И тучу, ее полившую.

Не древнему руслу в сожженной

долине —

Я кланяюсь речке, журчащей и ныне,
И снегу, ее породившему,
И морю, ее проглотившему.

ОБВАЛ

Дождь по ущельям бушевал, —
Казалось, вдоль теснины
Он промочил громады скал
До самой сердцевины.

Сорвавшись с черных облаков,
Висел он над горами,
Подобно тысяче орлов
С шуршащими крылами.

Гремел, шумел он, завывал
Ста тысячами глоток,
Хлестал Черекский перевал
Ста тысячами плеток.

Он гнал камней тяжелый вал
По горному отрогу,
Сбивал со склонов глыбы скал,
Перерезал дорогу.

В краю, лежащем между скал,
Бывало так от века:
Весенний дождь рождал обвал,
На горе человека,

В ущельях свадьбы запирал
И пастухов со стадом,
Дороги он перерезал
Коням и конокрадам.

И все ж бедняк благословлял
Беды своей свирепость:
Обвал порою превращал
Селенье горца в крепость.

РУКИ ГОРЦА

Мгла над желтой чинарой,
Над осенней листвой.
Горец, труженик старый,
Покачал головой.

Сел он, седоволосый,
Чуть сощутив зрачки,
Положил он на посох
Две дрожащих руки.

Руки горца, знавали
Вы счастливей деньки,
Серый камень тесали,
Закаляли клинки.

Вы могучими были
И не так уж давно
Вы пшеницу косили,
Ворошили зерно.

Вы и поле пахали
С незапамятных дней,
И проворно седлали
Самых лучших коней.

Кровь водою смывали,
Разрывали бинты,
Голубиц обнимали
Неземной красоты.

Колыбели качали,
И ласкали детей,
И землей засыпали
Опочивших друзей.

Вы дома возводили,
Превращенные в прах,
Вы огонь разводили
В ледяных очагах.

Разгребали во вьюгу
С гор скатившийся снег,

Подвигали вы другу
Свой последний чурек.

Никогда не ленились,
Не жалели щедрот,
А теперь опустились,
Кто вас в том упрекнет?

НАШИ ДОРОГИ

По равнинам и по скатам
Вьетесь вы издалека,
От гранита сероваты,
Желтоваты от песка.

Засыпает вас метелью
Вот уже который век.
Вы изогнуты в ущельях,
Переломаны у рек.

Где-то солнце камень старый
Накалило в летний день,
Где-то добрые чинары
Путнику бросают тень.

Утром здесь туман ложится,
Пыль клубится в час дневной,
Ночью гравий серебрится
Под серебряной луной.

Поздней осенью дороги
Листьями покрыты сплошь,
В мягких листьях тонут ноги,
Ты по золоту идешь.

На горе ли, под горою,—
Павшие сто лет назад,
Здесь под плитами герои
Безымянные лежат.

Здесь порой поют и плачут,
По дороге с двух сторон
Кто с веселой свадьбы скачет,
Кто плетется с похорон.

...Помню, по дороге старой
Из далекого села
Мать с корзинкой шла с базара,
На спине меня несла.

И от легкости корзинки,
И от тяжести нужды

Матери моей слезинки
На песке прожгли следы.

По дорогам этим после
Брел я сам, пуглив и мал,
И копытцами мой ослик
По сырым камням стучал.

Пояса дорог старинных,
Где зимой, который век,
С веток падая, рябина
Красит кровью белый снег.

На своих потертых спинах
Вы укачивали нас
И на родину с чужбины
Приводили в светлый час.

У ОЧАГА

С гор возвратившийся сквозь проседь
Зимы, когда летят снега,
Любил отец мой бурку сбросить,
Потом присесть у очага.

И цветом схожий с пастью волчьей,
Огонь то злился, то смирнел.
И на него отец мой молча,
О чем-то думая, смотрел.

О том ли думал он с тревогой,
Что снег метет, — спаси аллах,
Не разминутся бы с дорогой
Охотившиеся в горах.

Иль думал, как и все крестьяне,
Он, возвратясь под отчий кров:
«Здоровы ль овцы на кутане?
Кормов ли хватит для коров?»

Металось пламя и сникало,
Зардев на черной головне,
Но черных дум не возникало
В отцовской доброй голове.

Мели снега жестокой доли,
И помню, что огонь зачах.
Но вот он вновь в балкарском доме
Венчает каменный очаг.

Горит очаг. Огнем объаты
Дрова чинаровые в нем.
Сижу, как мой отец когда-то,
Задумавшись, перед огнем.

Со мной отцовские тревоги
И горы в дымчатых снегах.
Я думаю о людях многих,
О подвигах и о стихах.

И кажется: ущельем горным
Летит гнедой гривастый конь.
Не предаваясь мыслям черным,
Смотрю я молча на огонь.

Тучи клубятся, по склонам кочуя,
Белые горы, вы дороги мне.
Белое утро, проснувшись, хочу я
Белые горы видеть в окне.

Чувству сердечному я покоряюсь,
В Мекку ходивших понять не могу.
Любящий родину, я поклоняюсь
Горным вершинам в белом снегу.

КИНЖАЛ

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был.

Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Кружился ворон над убитым,
На весь аул рыдала мать,—
Картинам этим незабытым
Причастен ты по рукоять.

И не тебя ль, когда был молод,
Носил отец мой на ремне.
Тобой в горах мой брат заколот,
Два чувства будишь ты во мне.

Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь,—
Тебя вонзала храбрость в грудь,
А трусость всаживала в спину.

Сталь боевая обнажалась,
Холодная, была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

То был ты славен, то ничтожен,
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой,
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал

На то, чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Но самому тебе учесть ли,
Сколь раз в минувшие века
Неволила, защитник чести,
Тебя бесчестная рука.

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованый кинжал.

ОСЕНЬ В НАЛЬЧИКЕ

Дом построен, и вымыты окна,
А каштаны в осеннем огне,
И листвы первозданная охра
Отражается в каждом окне.

Стала липа медового цвета,
Но глаза на мгновенье закрой —
Оживет в ее шелесте лето
И пчелиный клубящийся рой.

То костер ли искрится пастуший
Или рдеет кизилковый куст?
Не спеши, приглядишься и послушай:
Схожа осень со зрелостью чувств.

И задумчивость леса не в силе
Даже ветер прервать до поры.
Облака в холодеющей сини,
Как снега Безенгийской горы.

Журавлей улетели станицы,
Но светла и спокойна душа.
Годы давние, словно страницы,
Перелистываю не спеша.

Вижу осень, и парк нелюдимый,
И серебряный свет с вышины,
И листок на коленях любимой,
Как желтеющий отблеск луны.

Я ВЕРНУЛСЯ С ГОР

Вдохнувший снега вечного
И синевы озер,
Домой июльским вечером
Я возвратился с гор.

Еще клубилось облако
Косматое во мне,
И с ветром рука об руку
Я шел по крутизне.

Где горизонта линия
Лежит на гребнях гор,
И солнцем был и ливнем я,
Листвы вздымал шатер.

Будила вновь заря меня,
И в утренних лугах
Нес вместе с косарями я
Росу на сапогах.

И там, где тропы вклинены
В клубящийся туман,
Я пил из кружки глиняной
Целительный айран.

Во мне звучали выстрелы,
Цвели во мне, чисты,
На каменистых выступах
Рожденные цветы.

Во мне вершины гордые
Венчал весь звездный рой,
Когда вернулся в город я
Вечернею порой.

В ДОРОГЕ

Кому не вспомнится в дороге
Тепло родного очага?
Уносит путь меня далекий,
Степные выстелив снега.

Степным захлестан я простором,
Степную ширь вбирает взгляд.
И мысленные перед взором
Нагорья отчие стоят.

И сердцем зрячим, не иначе,
Сквозь версты вижу пред собой
Поднявшийся, как хвост кошачий,
Дым над родимую трубой.

Лежат снежинки на пороге,
Калитки звякнуло кольцо.
Мне мама вспомнилась в дороге,
Ее глаза, ее лицо.

Все сон напоминает, правда.
Огонь в камине виден мне,
И перед ним взлетает плавно
Тень колыбели на стене.

В дуге степного окоема,
Сквозь ветры и летящий снег,
Я чувствую дыханье дома,—
Уж так устроен человек.

Одолеваем расстоянья
И словно предаемся снам.
И резче тем воспоминанья,
Чем тяжелей в дороге нам.

ПЕСЕНКА

Вот песенка простая
О снеге на вершине,
О камне у дороги.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая
О речке, что в теснине,
О дереве зеленом.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая:
В лесу набрав малины,
Подходит к дому мальчик,—
Вот песенка простая.

Чиста, как снег вершины,
Проста, как серый камень,
Звонка, как эта речка,
Та песенка простая.

Как мальчика улыбка
Ты, песенка простая,
Ты веточкой мне снишься
Кизиловой, зеленой.

ЗИМОЙ В ТЕРСКОЛЕ

Зима в Терсколе. Тут, беседуя с горами,
Живу. А по ночам мне снова снишься ты.
Я слышу, как ветра всю ночь гудят упрямо,
Но сосны утром вновь прямы, белы, чисты.

Зима в Терсколе. Я веду со снегопадом
Беседу. Сквозь него ты вновь идешь ко
мне.

Твой воротник в снегу, и все тебе тут радо,
Все — сосны, горы, снег, идущий в тишине.

Все это снится мне. Ты знаешь ли об этом?
Все это снится мне сияньем давних лет.

Здесь все бело, весь мир захвачен белым
цветом,
Здесь только дым из труб окрашен в
черный цвет.

Зима в Терсколе. Я живу, благословляя
Все, что дает нам жизнь, — любовь,
надежду, смех,
Пишу стихи о том и счастье обретаю.
Садится не спеша на ветки сосен снег.

Зима в Терсколе. Я пишу. Ложатся строки
Спокойно и легко в открытую тетрадь.
В них — эти сосны, снег, в них — блеск
вершин высоких,
В них — ты. Мне хорошо тебя здесь
вспомнить.

Зима в Терсколе. Я, беседуя с горами,
Живу. Вокруг меня — лишь белые хребты.
Рождается мой стих. И, чуть родившись,
прямо
Через реку Баксан спешит домой, где ты...

НОЧЬ СВАДЬБЫ

Висит над аулом луна. Свет лежит на
 скале,
 Снега на хребтах, лес зеленый, поляны,
 стремнины.
 И темные реки текут по скалистой земле
 К хлебам, что созрели на нивах Чегемской
 долины.

Луна над аулом. Ночь свадьбы. Уже
привезли
Невесту. С подругами рядом сидит она
скромно.
Танцуем, поем, веселимся, как будто мы
шли

По жизни легко и наш день не бывал еще
темным.

А юноши в круг выбегают и пляшут,
легки,
Как будто вовек никакой не узнают
печали.

Потом поднимаются медленно с мест
старики.
Танцуют, — да так, словно горя они и не
знали.

Ночь свадьбы идет. Тост за тостом, как
света поток,
Вершин белизна в них и рек неумная
сила,
Блистанье зарниц. Пробки с треском летят
в потолок,
И в стены, и в двери летят, чтоб веселье
бурлило.

В открытые окна деревья глядят, как из
мглы,
И видят невесты и девушек тонкие лица.
Ночь свадьбы идет. Над аулом вершины
белы,
На них эта полночь июльская грудью
ложится.

А девушки пляшут так плавно, как будто
несут,
Боясь, что расплещутся, ведра воды
родниковой.
Пусть строки мои эту плавность их не
растрясут,
Пускай сохранит ее прелесть звенящее
слово.

Ночь свадьбы идет. В тостах — яркие
звезд огоньки
И шелест чинар, что растут за аулом, на
воле,
В тех тостах сияют под ясной луной
ледники
И дождь шелестит, поливая подсолнуха
поле.

Ночь свадьбы идет. Слышен крик: —
Бубен, бубен! Сильней!
Эй, парень, что ноги жалеешь? Гремит
плясовая! —
Как будто не знали мы боли и горестных
дней,
Так пляшем, поем. Лунным светом дворы
заливает.

Мы свадьбу справляем, пируем, беду
победив,
Луна нам завидует, хоть и глядит величаво.
У горного лета сейчас как бы счастья
прилив:
Леса зеленеют, и пахнут высокие травы.

Рассвет наступает. Луны за окном уже нет.
Белеют хребты, где-то солнце встает
за горою.
Поднявшись, сказал тамада, освещенный
зарюю:
— Восславим же радость и выпьем
за новый рассвет!

СНЕГОПАД В ГОРАХ

М. Дахкильговой

В горах снегопад. Побелели холмы,
и дорога,
И скалы высокие, словно твоя красота.
Снег падает медленно, тихо, задумчиво,
строго,
Как мысли мои о тебе в этот час и всегда.

Как будто плывут над ущельями белые
птицы,
Идет этот снег не спеша, без труда,
без помех.
Желаю сегодня охотнику не оступиться:
Охотничьи тропы невидными делает снег.

УЧЕНОМУ ЯЗЫКОВЕДУ

О смерти языка спокойно, без участия,
Ты речь свою повел, ученую весьма.
Что для тебя язык? Глагол, деепричастья...
А для меня он — жизнь. Ты понял? Жизнь
сама!

Когда я слушаю слова родимой речи,
Я вижу тех, кто пал, но кто свободу спас.
Я вижу храбрецов, чье слово в жаркой сече
Горело, словно кровь, как день в закатный
час.

«Будь с нами, мужество!» — слова из уст
летели,
Из окровавленных, — как птицы, напролом,

И гнали пришлецов разбойных из ущелий,
И смелых славили на языке своем.

Поныне те слова стоят, как наши скалы,
Поныне те слова сверкают, как мечи.
В них раны сабельной огонь кроваво-алый,
В них вечной доблести горячие ключи.

Мужчины, чьи уста полны были и кровью
Сраженья правого, и кровью слов родных!
О жены, что детей баюкали с любовью,
Оплакав их отцов на языке живых!..

О смерти языка ты говоришь бесстрастно,
Но мне-то слышится, как девушка на нем
Твердит слова любви,— они звучат
прекрасно,
Как листья, как родник в цветении лесном.

Прислушайся,— тебе откроются долины,
И блеск травы, и шум дождя в словах
простых,
В них ветки шелестят, и клекот в них
орлиный,
И ум пословицы, и звонкий древний стих.

Не этот ли язык звенел над колыбелью?
Не он ли хлеб растил с упорством
и трудом?
Не он ли горевал? Не он ли звал к веселью
И «мир вам» говорил, вступая в каждый
дом?

Он молоком блеснет, теплом тебя согреет,
Когда произнесешь на нем ты слово
«мать»,
А скажешь «яблоко» — все расцветет,
созреет,
А скажешь «небосвод» — весь мир начнет
сиять.

Язык не слабый снег, он не растает вскоре,
Язык — могучая гранитная скала.
С народом он делил и радости и горе,
И в споре с ним позор познали силы зла.

Язык народа жил, как всадник и как воин,
Родной земле служил, как пахарь и мудрец.
Он так же, как народ, бессмертия достоин,
А если он умрет, умрет он, как храбрец.

КАМЕНЬ

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.

Мысль народов других в древних книгах
жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных — скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни
и скалы —

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в избытке,

Что столетия в нем свой язык обрели,
Это скорби и стойкости твердые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набегах,
обвалах.

Выразительны камни, как будто слова,
Заливала их кровь, лунный свет
заливал их.

Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея,
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам каменея!

Сколько каменных я раскрываю страниц!
Это всадников-кровников единоборство,
Это крик полонянок и ропот темниц,
Это наших крестьян трудолюбье,
упорство.

Это каменное их терпенье. Борьба
Их за жизнь. Их глазами глядят эти камни
На меня так внимательно! Предков судьба
В них живет и становится сразу близка
мне.

В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согревал мои ноги босые.
Нам при жизни служил. А придет
 смертный час —
У могил имена сохранишь ты людские.

Я уйду, ты же будешь веками храним.
Нет без камня и дерева горской дороги.
Так недавно ты грел мои детские ноги
У огня... Скоро станешь надгробьем моим...

В ХУЛАМСКОМ УЩЕЛЬЕ

Так чисто небо, — всех небес небесней, —
Что хлынуть хочется слезам из глаз!
Оно мне кажется прекрасной песней,
Пропетою для мира в первый раз!

Я чувствую, на небо глядя, робость,
Молчу, как будто все мои слова,
Сорвавшись с турьих троп, низверглись
в пропасть,
Как будто с речью я не знал родства.

Иду я по Хуламскому ущелью,
Иду, как будто должен по камням
Поспеть одновременно к новоселью,
К веселой свадьбе и к похоронам.

Иду средь белых скал и средь развалин
Домов, старинных башен крепостных.
Вид очагов погасших так печален,
А ведь они пылали для живых.

Жестокость, что вела борьбу со светом,
Водою мертвой залила огонь...
Мой стих, когда не скажешь ты об этом,
Погибни, в бездну упади, как конь!

Гляди, не бойся. Эти камни стали
От горя черными на всем пути.
Молчат, как будто от беды устали
И слово трудно им произнести.

А ты не камень. Плачь же! На колени
Стань пред камнями! Зарыдай в золе!
Пусть никогда разрушенных селений
Ничьи глаза не видят на земле!

Разрушенные сакли — как могилы.
Судьба, как жестока ты к нам была,
Как била по зубам! О, день постылый,
Полуразвалин горькая зола!

Пойди узнай, под чьими небесами
Глаза навек закрыли мастера,

Что дерево и камень здесь тесали
Для каждого жилища и двора.

Белеют нового аула зданья.

— Что ж у развалин плачешь ты, поэт?

— Не возвратиться мертвым из изгнания,

Не исцелиться ранам прежних лет!

Упал я на колени пред камнями

И горько плачу о недавнем зле.

Нет, не бывать жестокости над нами!

Нет, ей жилья не будет на земле!

В НОЧНОМ УЩЕЛЬЕ

Я на горы смотрю, я глазами искал их,—
Не увидел вершин, уходящих во тьму.
Я смотрю на старинные башни на скалах,
Это башни иль нарты — никак не пойму.

Не страшась крутизны, в бездну падают
реки.

Стук подков — так мне кажется — вторит
ключу.

Это скажут в лесистой теснине абреки
Или сам я, гонимый врагами, скачу?

Это черные бурки врагов промелькнули
И тотчас растворились в полночной дали?

Я припомнил преданье, что слышал в ауле,
Вспомнил раны, что долго зажить
не могли.

Оглашается звоном кинжалов теснина.
Кто кого убивает во мраке? В чей дом
В черной бурке внесут бездыханного сына?
Как черна эта ночь на обрыве крутом!

Как отцу моему здесь, в ущелье, кричала,
Так спросонок, сова, ты кричишь мне
опять...

Не боюсь я врага! Не боюсь я кинжала!
Мне нужна моя жизнь: дома ждет меня
мать!

В пене скачет река, побледнев от испуга,
Будто враг за ней гонится в душной
пыли...

Помнишь: кровники здесь настигали друг
друга.

Помнишь: раны здесь долго зажить не
могли...

Скалы, разве мои вы не видите раны?
Льется кровь моя — остановить не могу!
Я на землю упал. Чей там окрик
гортанный?

Где кинжал! Неужели я сдамся врагу?

Нет, почудилось ночью сверкание
стали, —
 Фары встречной машины стремятся ко
мне...

Это в древнем преданье слова отблистали,
Как низринулся в пропасть абрек на коне.

Но постой! За скалой чей-то крик,
чьи-то стоны.
Ты прислушайся,— кто-то кричит и зовет.
То не всадник ли стонет, кинжалом
пронзенный?
Как же можешь ты медлить? На помощь!
Вперед!

Нет, дошел этот крик до меня,
до теснины,
Из-за гор древних лет, окровавленных лет.
Впереди зажигаются фары машины,
И со мною друзья, электрический свет.

Как на скалах черны эти древние башни!
То не кровной ли мести кинжал за скалой?
...Впереди — мой аул и приют мой
 домашний,
Рядом свет, и друзья мои рядом со мной.

ИДУЩИМ НА ПОМОЩЬ

Когда начинал я слагать эти строки,
Из первой же в небо рванулся орел.
Шум крыл я услышал и дерзкий клекот,
Из первой же строчки взметнулся орел.

...Зима. А отец мой спешит к перевалу,
Усы побелели, башлык его бел.
Но снова и снова, мужрой¹ разрывая
Сугробы, шагает, упорен и смел.

Пусть вьюгою полночь бушует сегодня.
Пусть ветер ночной замечает пути.

¹ Мужра — палка с железным острым наконечником.

Спешит он по делу: там сванский
охотник
Застрял, — он не может его не спасти.

И сван-скалолаз — перевалом он тоже
Спешит. Там Чегем среди снега и мглы.
Сейчас не проведать он друга не может:
Сорвался вчера его друг со скалы.

И, как у Пшавелы в ущелье во время
Охоты, в снегу вся его борода.
И друг будет рад его видеть в Чегеме,
Как сам я друзьям рад бываю всегда.

Вы — те, кто проходит зимой перевалом
В ту сторону, в эту ли, снежной тропой:
С друзьями увидеться, чем-то — хоть
малым —
Помочь им, в день горя им выразить
боль.

Вы — те, кто идет по завьюженным
склонам,
Пусть дышится трудно, пусть ветер
гудит,
Кто чести и совести верен законам,
Кто смел и, как хлеб, в жизни
мужество чтит.

Ведите меня за собой, как бывало,—
И жизни и слову нужна чистота!
Хочу я быть с вами на всех перевалах,
И ваша открытость близка мне всегда.

Вся жизнь — в перевалах. Снега
нависают,
Пред каждым сияет его перевал,
И люди восходят, друг друга спасая,
Взбираясь на гребни бесчисленных скал.

В ущелье Гара-Аузу я слагаю
Вам эти стихи. Ледники предо мной.
Как греет меня беззаветность большая
Всех тех, кто идет по тропе ледяной!..

...Когда я стихи эти начал, я помню—
Из первой же строчки взметнулся орел,
Возник надо мною шум крыльев
огромных —
То в небо из строчек взметнулся орел.

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Когда пахали, бурки сбросив,
Они в погожий день весны,
То были добротой колосьев
Их помыслы осенены.

Когда в час свадебного лада
Они плясали у стола,
В них добрый пламень винограда
Вздыхал незримые крыла.

Но если боя дымный полог
Вновь над ущельем повисал,
Темнели очи их, как порох,
Долг чести искру высекал.

И земляки мои умели
(Народ в горах неприхотлив)
Спать на земле, как на постели,
Под ухо камень положив.

В дороге, под открытым небом
Могли насытиться всегда
Они сухим ячменным хлебом,
Глотком воды из-подо льда.

Настоем трав лечили раны,
Умели горе превозмочь
И от успеха в барабаны
Не колотили день и ночь.

Кто-о песню ту же самую
Напевает в тишине,
Что и мне когда-то мамою
Пелась в горской стороне.

Дождь ли, полночь ли метельная,
Звезды ль на небе видны,
Льется песня колыбельная,
Как извечный свет луны.

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК

- Мамочка, мама! С горы, что седа,
Спускается бык чернолобый сюда.
Мамочка, мама! Смотри, как остры
Рога у быка, что шагает с горы.
— Лежи, мой сыночек, лежи...
— Мамочка, мама! На белом снегу
Он черную шею сгибает в дугу.
— Лежи, мой сыночек, лежи...
— Мамочка, мама! До самых копыт
Склоняет рога он и в пропасть глядит.
— Лежи, мой сыночек, лежи...
— Мамочка, мама! Темна его масть,
Он встал над скалою, он может
упасть.

— Лежи, мой сыночек, лежи...

— Мамочка, мама! Сядь ближе ко
мне!

Его голова показалась в окне.

— Не бойся, мой маленький. Встала
луна

И ветки качает орех у окна.

Лежи, мой сыночек, лежи...

МОТЫЛЕК

Чтоб умереть, готов ты издавека
Лететь туда, где видишь огонек,
И потому тебя певцы Востока
Считали неразумным, мотылек!

Тебя считали неразумным люди,
А я тобой люблюсь с давних лет:
Я знаю — ты летишь к тому, что
любишь,
А более, чем жизнь, ты любишь свет.

Я не оплачу жребий незавидный,
Сочувствовать тебе я не решусь,
К своей любви ты тянешься
и гибнешь.
Чтоб стать таким, я у тебя учусь.

КОГДА Я УВИДЕЛ ТЕБЯ

Кем это был я? Стольником царским
Или невольником в стане татарском,
Когда я увидел тебя?

Что это было? Беда иль веселье,
Кубки блестели иль цепи звенели,
Когда я увидел тебя?

Вмиг позабыл я о боли неволи
И о веселом застолье тем боле,
Когда я увидел тебя.

Что моя жизнь, что застольные речи,
Косы — я помню — стекали на плечи,
Когда я увидел тебя!

И полюбил в этот век, в этот день я,
И позабыл все, что помнят с

рожденья:

Волю и долг свой святой!

Много веков существует на свете,
И восхищаюсь я много столетий
Вечной твоей красотой!..

ПЕСНЯ, ПОДАРЕННАЯ ДЕВУШКАМ

Эту песню немудреную,
Чей мотив под стать словам,
Словно веточку зеленую,
Я протягиваю вам.

Мир меня не только радовал,
Видел я немало бед,
Но в глаза я вам заглядывал,
И казалось — горя нет.

Песню эту неумелую
Я дарю вам в светлый час.
Чем я буду, что я сделаю,
Если не увижу вас?

Мир вам дарит даль бездонную.
Утро — вешнюю зарю.
Я, как веточку зеленую,
Эту песенку дарю.

Я тебе такую боль нанес,
Будто бы клинком удар неожиданный.
Так обидел я тебя до слез,
Что и сам страдаю, как от раны.

Что же, я лишусь любви твоей
Оттого, что крикнул слово злое?
Мне-то, может, тяжелее вдвое:
Мне от собственной вины больней...

Живем с тобою, каждый день и час
То радуя, то мучая друг друга.
Порою солнце юга нежит нас,
Порою дует северная выюга.

Любовь не только лунный свет в
окне, —
Любовь остра, как лезвие кинжала!
То нам легко в спокойной тишине,
То слышится нам грозный гул обвала.

Порой любовь — как вишни легкий
цвет,
Порой блестит, как молния, пылая,
Но — сталь кинжала или лунный
свет —
Она всегда любовь — всегда живая!

Сквозь ливни годов мне виднеются
женские слезы,
И хлеб мой насущный мне кажется
горьким порой.

— Простите меня! — это, женщины, вам
говорю я,
Почти не надеясь, что давнюю боль мне
простят.

— Простите меня! — говорю вам и долго
смотрю я
С горы моих лет, где тяжелый идет
снегопад...

Солдат от боли умер до заката,
Ладонью даже сердце не прикрыл,
А я — преемник этого солдата,
Который вас так преданно любил.

Как тот солдат, погибший в чистом
поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслоню от боли.
Пусть будет больно сердцу моему.

ТИХИЕ СТИХИ

1

Желтеет за окном. Скользят лучи косые.
Хочу тебе сказать я тихие стихи.
Мать воду родника нам в ведрах приносила.
Мои стихи теперь, как та вода, тихи.
Пусть так теперь звучат стихов моих
признанья,
Как эта тишина, — она сейчас во всем.
Так старенькая мать сидела на диване,
Так сумерки теперь вошли в наш мирный
дом.
Мои стихи к тебе тихи, как снег на склоне.
Как снег. Но только в них не холод, не
мороз,

Они теплы, как ты — твой взгляд, твои
ладони.

Тихи, как тот цветок, что в нашем доме
рос.

Такие говорить стихи тебе я стану.
В них — ты, твои шаги, твой взгляд и
голос твой.

Пусть льются в тишине, как струйки
из-под крана,
Как ласточка в дому, кружатся над тобой.

2

Я помню в час беды твои родные руки.
Их ощутив тепло, я забывал про боль.
И исчезало все — невзгоды, горечь, муки,
Я обретал себя и снова был собой.

Но мало я тебя благодарил за это,
Сходил с прямой тропы, блуждал средь
бела дня.

Простишь ли ты меня, безумного поэта,
За то, что столько зорь встречала без меня.

Что говорил тебе я полные мороза
Слова, что столько ран душе твоей нанес?
Не раз в твоих глазах потом я видел слезы,
А сколько я тебе незримых стоил слез!

А ты была как лань. И как хребты сиянье
Дарят, так красоту ты подарила мне.

Благодарю тебя. Будь вечно легкой ланью,
Будь до последних дней верна своей весне.

О крылья красоты! Вы значите немало.

Есть в красоте твоей всей жизни мощь и
свет.

Дни темные, как ночь, она мне освещала,
И, победив их мрак, я не страшился бед.

Тебя большой поэт назвал кавказской
фреской,

Поэт, что так правдив и честен был всегда.

А я — я до сих пор влюблен в тебя
по-детски,

С поэзией всегда шла рядом красота.

Как мудрость и талант она. В ней та же
сила,

В ней подвига накал, его порыв святой.

Она во все века и грела и светила.

Наш дом зимой согрет твоею красотой.

Любимую сравнил поэт Востока с ланью
Уже давным-давно, за много лет до нас.

Все делает она умелыми руками —
Стирает, варит, шьет, купает малышей.

О, нежность и тепло рук, мне создавших
счастье,
Умелых, добрых рук — мне их дороже нет.
Они смуглы. А я их в тесте видел часто,
Цвет теста оттенял их смуглый нежный
цвет.

Все радости земли, все горести и раны
Проходят сквозь тебя, все в сердце носишь
ты.
Прости мне дни, когда блуждал я как в
тумане
И низвергал тебя, как в пропасть,
с высоты.

Распахнуто окно. Деревья пожелтели.
Твоя рука в моей. Сидим. Молчим вдвоем.
Мне кажется, года вот так же пролетели,
Как журавли летят сегодня за окном...

7

Ты девушкой была такой, что пахли губы
Как розы. Ты и впрямь легка была, как
лань.

Смешались времена. И — любо иль не
любо —

Я думаю: поэт Востока отдал дань

Тебе века назад, что он с глазами лани
Твои глаза сравнил, в саду их увидав,
И засмотрелся на тебя, зашлось дыханье.
И удивился он, как я, счастливым став.

О, розы на губах! Как солнце пахли руки
В те дни, когда с тобой узнали счастье мы!
Нет, не могу теперь подумать я без муки
О том, что скроет их глубокий снег зимы...

О, розы на губах! И я пишу, желая
Еще раз пережить той девушки приход.
Пусть хоть в моем стихе та красота живая
На лишний год один подольше проживет.

8

На желтизну дерев глядим мы, вспоминая,
Что так на зелень их смотрели мы с тобой.
Вспять реки не текут. Да, верно. Это знают
Не только мудрецы. Тут жизни свет и боль.

И мы с тобой глядим на горы, как
смотрели
Впервые мы на них в далекие те дни,

Как будто мы с тех пор совсем и не
старели,
Как будто мы с тобой бессмертны, как
они.

Все так же их хребты белеют постоянно,
Хоть и века прошли над ними чередой,
Садятся и на них тяжелые туманы,
Но это лишь привал в их жизни кочевой.

Вновь на тебя смотрю, как я смотрел
впервые.
Как будто на тебя годов не пала тень,
Как будто сам твоей не видел седины я
И ты осталась той, какой была в тот день.

9

Желтеет за окном. И птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег.

Не первый я поэт, что говорит про это,
И не последний я. Земле цвести, поверь:
Все будет и без нас — зима, весна и лето,
И реки будут течь сквозь горы, как теперь...

Я знал немало дней прекрасных. Я с
разбега
Врывался в мир, любил тепло, дожди, зарю.
Идет моя зима, и, чуя запах снега,
На голые холмы я с нежностью смотрю.

Сидим с тобой вдвоем, и мне не одиноко.
Жизнь! Благодарен ей я за судьбу свою,
За страсть, за счастье жить здесь, на земле
высокой,
За жар моих стихов, за красоту твою!..

Идет спокойный снег. Весь день брожу,
вдыхая
Его прохладу, я. Простор и свежесть в ней.
И вновь весь день стихи я женщинам
слагаю —
Весне души моей, зиме души моей.

Их руки и глаза нас всюду согревали
Средь радостей и бед, в дни скорби, в
дни труда.
Мы ради них шли в бой и жизни отдавали,
Мы думали о них, их помнили всегда.

Кинжальных, пулевых ранений много было,
Не жаловались мы, сражались против зла.

Я тебя вспоминал у Адайских высот.
Над чинарами солнечный свет ликовал,
Ты жила в этом мире открытых красот.
У Адайских высот я тебя вспоминал.

У Адайских высот ты врывалась в мой
стих
Вместе с зеленью веток, как солнечный
луч.

Разгорался рассвет, откровенен и тих,
И чинары молчали у каменных круч.

Я зажег в твою честь полуночный костер
У Адайских высот. Я стоял на краю

Голубых пропастей, перед сонмищем гор,
Ты заполнила полностью память мою.

И с Адайских высот до тебя аромат
Расцветающих трав этот стих донесет,
Где чинары и скалы, Восход и Закат
Вспоминают тебя у Адайских высот.

Я с Адайских высот посылаю мой стих,
Грохот горных потоков его просквозил.
Он гудел водопадом в ущельях пустых,
Где на острых обрывах алеет кизил.

У Адайских высот для тебя родились
Все слова, что сегодня тебе говорю.
Как в твой лик, запрокинутый в звездную
высь,
У Адайских высот я смотрел на зарю.

У Адайских высот, где с отвесной скалы
Водопад ледниковую воду несет,
Где навстречу заре вылетают орлы,—
Я тебя вспоминал у Адайских высот.

Я. Козловскому

Ты помнишь лето? Лес, трава кругом
И пятна крови нашей или вражеской.
С тех пор мне росы на лугу лесном
В закатном блеске алой кровью кажутся.

Мне и зима запомнилась навек,
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся.

Мы были крепки, каждый как скала,
Мы кладь несли, не чувствуя усталости,
И та беда, что где-то нас ждала,
Являла облик смерти, а не старости.

Не виделась нам старость впереди,
А нынче — еду ль, за столом сижу ли я —
Все чаще руку подношу к груди,
Каким-то чудом не задетой пулею.

Все чаще наяву или во сне
Те мальчики, не ставшие мужчинами,
В бинтах сырых являются ко мне,
И лица их не тронуты морщинами.

Мне видятся огонь и облака,
И пулеметчики и пулеметчицы,
И степь, где скачет конь без седока
И повод по земле за ним волочится.

ТЕНЬ ГОРЫ

Он был горой. Ты — тень его. Ну что ж,
Быть тенью при горе не просто тоже.
Но все равно — пусть трудно ты живешь,
Ты тень горы и без горы не можешь.

Да, нелегко призвание твое —
Служить горе всю жизнь, не уставая.
Он был горой. Ты — тенью от нее.
Но у большой горы и тень большая.

СОЛОВЬИ

Михаилу Дудину

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели весь вечер уверенно,
самозабвенно,
Как пели Хафизу когда-то за далью веков?
Мы слушали их, и сливалось для нас
постепенно
Грядущее с прошлым. Дождь хлынул на
землю потом
И мир освежил, как сердца соловьиное
пенье.
Кто выдумал глупо, что стала та песня
старьем?
Она, как и дождь и рассвет, не подвластна
старенью.

Не могут вовек устареть ни слова о
любови,

Ни то, как на склоне спокойно кизил
созревает,

Ни речка, под солнцем несущая воды свои,
Ни море, которое только живущим бывает.

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели и пели, сливаясь с дыханием

ночи,
Как в древние годы? В их пении — голос
веков

И голос всей жизни: «Земля, я люблю
тебя очень!»

СИМОНУ ЧИКОВАНИ

Жить привелось мне без родной земли,
Я видел лишь во сне Эльбруса купол
белый,
Шла тень орла по куполу вдали,
И я следил за ней душою онемелой.
Я знал тоску. Мне снился мой Кавказ,
Чегемский водопад и влажный гул
Дарьяла.
И годы шли мои, как медленный рассказ
О том, чего в пути недоставало.
Я раскрывал твой том и не смежал
ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.

Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный
клекот.

Я раскрывал твой том, и прибавлялось
сил.

Я видел наяву все, что хранил в помине.
На склонах скал багровый зрел кизил,
И солнечный рассвет струился по
долине.

Ронял листву засохшую орех,
Тень от платана поднималась косо,
Форель плескалась, словно детский смех,
В потоке у подножия утеса.

Я раскрывал твой том от родины вдали,
Приобретала смысл иной земля чужая:
Как будто мы с тобой под облаками шли,
Нагорным снегом губы освежая.

Как будто я лежал в тени горы крутой
И Ушбой любовался в светлой рани.
Там пир шумел, и добрым тамадой
Тем пиром правил друг мой Чиковани.

Я раскрывал твой том и на крылах парил
Поэзии, исполненной привета.

За милый мир тебя благодарил
И дожидался своего рассвета.

...Об этом вспомнил я сейчас, взойдя
Уступами на перевал Крестовый.
Увидел наш Кавказ под струями дождя,
Блеснувший в душу мне своей красою
новой.

Ты братство пел, лелеял дружбу ты.
Средь мастеров как мастер ты в почете.
Твои стихи — орлами с высоты,
Твои орлы всегда, мой друг, в полете.

Издrevле люди любят мастеров —
Гранильщиков камней и ювелиров слова.
С крутых высот Кавказа я готов
Петь мастерство души высокой снова.

Стихом своим ты делаешь Кавказ,
Его вершины выше и прекрасней.
Гора к горе — их не охватит глаз,
И солнце жизни над хребтом не гаснет.

Мой путь с твоим нерасторжимо слит.
Арагви Тереку не посылает вызов.
Пусть эта песня ласточкой летит
И вьет гнездо у твоего карниза.

Я вижу, мама, день весенний.
Ты молода еще, я мал.
Уткнув лицо в твои колени,
Я слушал песню и дремал.

Ты, не откладывая дела,
Под мерный гул веретена
Про медвежат мне песню пела,
И уносила их волна.

Как искры на спине форели
В прозрачном озере весной,
Слова искрились, и горели,
И пахли ягодой лесной.

Ты пела звонко, пела тонко,
Тебя чужая жгла беда
Так, словно твоего ребенка,
Как маленького медвежонка,
Уносит полая вода.

И нынче, как тогда, в то утро,
Спой песенку про медвежат,—
Пусть нам покажется, как будто
Сидим мы тридцать лет назад,

Что нет морщин от дней суровых
И где-то старость далеко,
Что у меня на сердце снова
Светло, как в детстве, и легко.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Коль у тебя есть мать, в себе ты носишь
свет,

Не зря так говорят. Теперь я это знаю.
Тот свет в моей душе горел так много лет,
Что я привык и жил, его не замечая.

Но мама умерла. И свет, что мне светил,
Перед зарей погас. Конец. Вопрос решился.
И для меня в ту ночь рассвет не наступил,
И я его не ждал: я матери лишился.

2

Я помню: в детском сне я плакал,—
снилось мне,
Что мама умерла, что я один остался.

Мне снился этот сон не раз и на войне,
И я тогда в слезах в землянке просыпался.

И весточку домой спешил скорей послать,
Боясь поверить в сон, надеясь, но несмело.
А нынче наяву похоронил я мать,
И дерево, в душе расцветшее, сгорело.

3

Когда мне, как другим, грозила смерть в
бою,
Вдруг мать я вспоминал, и было легче все
же,
Я знал: она потом оплачет смерть мою
И позабыть меня уже вовек не сможет.

И становился я от этого храбрей.
Шел в бой и презирал смертельную угрозу.
Нам силу придают и слезы матерей, —
Не только их слова, но даже слезы. Слезы.

4

А матери всех тех, кто раньше их терял,
Не хуже, чем моя, хоть их спокойны лица.
Снег горести на них, тот снег, что нынче
стал
На голову мою уверенно ложиться.

О, руки матерей! С сегодняшнего дня
Я понял до конца, я знаю вашу силу,
О, все, кто матерей лишился до меня!
Я стал таким, как вы, и буду до могилы.

О, все, кто матерей лишился! Я сейчас
Всю вашу боль постиг. Отныне вашим стану.
Да, матери за жизнь нас ранят только раз,
Теперь и у меня в душе такая рана.

5

Все горы одолев, взойдя на перевал,
Являлся я к тебе. Ты сразу разводила
Огонь. И грелся я. И холод забывал,
Хотя луна в окно еще сквозь снег светила.

Но разделили нас такие горы льда,
Что их не одолеть, хоть век стремись
упрямо.

И не приду к тебе я больше никогда.
Я не смогу к тебе прийти. Ты слышишь,
мама!

6

Теперь я лишь во сне услышу голос твой,
Он очень далеко, совсем заглохли звуки.

И только лишь во сне увижусь я с тобой,
Увижу лишь во сне твои глаза и руки.

Руками лишь добро всю жизнь творила ты.
Глаза! — что может быть тех глаз теплей
и ближе.

Поток жестокий снес меж нами все мосты.
Я, мама, лишь во сне теперь тебя увижу.

7

Росли мы без отца. Последнее всегда
Ты отдавала нам. Сама недоедала.
Но все ж и в черный день душой была
чиста,
И копоть горьких бед в тебе не оседала.

И ты не за себя страдала в горький час
Изгнания — за меня тревожилась все время.
Когда болел, всю ночь ты не смыкала глаз,
Была ко всем добра, как у себя в Чегеме.

8

В изгнании, устав, к тебе я приходил
И головой к груди, как в детстве,
прижимался.
И исчезало все, чем я измучен был,
И сам себе опять я мальчиком казался.

Казалось — вижу вновь любимой речки бег
И вообще вокруг земля родная наша,
Где медленно, как встарь, идет чегемский
снег,
Где выйдешь — и в лицо дохнут ветра
Кёк-Таша.

9

И сам не молод я. Но все любил сидеть
С тобой, как в детстве, лоб уткнув в твои
колени,
Сидеть, закрыв глаза, не думать, не
глядеть
И ощущать себя ребенком в те мгновенья,
И радовался так, как будто с детворой
Я только что поймал случайно птицу-чудо...
Мне больше никогда так не сидеть с
тобой,
И больше никогда ребенком я не буду!..

10

Похоронили мать в сентябрьский ясный
день.
Он очень ясен был, как радость, как
начало.
Белели гребни гор, но мне казалось — тень,
Тень черная, как ночь, на горы набежала.

И словно видом всем он хочет мне
сказать:
— Ты ищешь мать? Ищи. Искать ты
будешь долго.

Ищи! И я ищу. Нет смысла, но ищу.
Ведь можешь только ты помочь в моей
печали.
Мне трудно без тебя, зову тебя, кричу.
Но даже эхо мне теперь не отвечает.

13

— Не плачь. Мужчиной будь! — ты
говорила так
Мне в тягостные дни. — Терпи. Нельзя
иначе. —
И я терпел. Но тут не выдержал, размяк.
Как мальчик, я стою на кладбище и плачу.
Я плачу, мама. Да. Прости! Я в первый раз
Ослушался тебя сегодня у могилы:
За все года лишь раз сегодня, в скорбный
час,
Я плачу. Ты прости — сдержаться нету
силы!

Сынок, не плачь по мне. Подумай. Я ушла,
Увидев, что ты жив, что дружишь с

целым светом, —

Смерть раньше, чем тебя, меня к себе

ВЗЯЛА.

Но ведь ее сама просила я об этом.

Об этом я сама молилась. И не раз.

Что бунтовать? Зима всегда сменяет осень.

Не верь, что жизни свет в душе твоей

погас.

Живи. Будь тверд и мудр. Сын! Мать

об этом просит.

Ты без меня живи, как жил до этих пор,

Будь справедлив, чтоб все друзья тебя

любили.

А если на себя ты навлечешь позор,

Твоя седая мать заплачет и в могиле.

Будь зорким ты, мой сын. Ведь жить подчас

трудней,

Чем умереть. О том и спорить глупо даже.

На страже я была, хранила честь детей,

Пусть мой могильный холм теперь стоит

на страже.

Ты мне была судьей в дни счастья, в дни
 беды —
 Во всем, что я любил, чего хотел добиться.
 И первую всегда догадывалась ты
 О том, что мне грозит опасность
 оступить.

Хочу я, чтоб твоя святая доброта
 Всегда жила во мне. Хочу я всей душою,
 Чтобы твоя во мне осталась чистота.
 И в том теперь клянусь здесь, над
 могилой стоя.

Мать умерла моя, уверенная в том,
 Что все ж не навсегда мы расстаемся
 с нею.

— Не плачь, сынок, пойми — мы
 встретимся потом! —
 Звучит в моих ушах все тише, все слабее.

Но все сильней в душе моя слепая боль,
 На горы посмотрел я в тягостной печали.
 — Мать больше никогда не встретится
 с тобой.

Ты знаешь это сам! — они в ответ сказали.

Да будет твой завет законом для меня!
Ты слышишь? В том клянусь я у твоей
могилы.

20

В моих стихах тепло от молока того,
Которым ты меня в младенчестве
вскормила,
В нем — красота лица родного твоего,
И доброта твоя, и мягкость, — может, сила.

И я, как ты, умру. Но в жизни доброта
Останется — она для нас всегда дороже.
И пусть мои стихи исчезнут навсегда,
Но не исчезнет жизнь и человечность
тоже!..

21

О люди! Всем, кому не отказал в тепле,
Кому полезен был — пусть даже и не
прямо,
Кому не больше пусть, чем капля
на стекле,
Но радость я принес, — благодарите маму.

Все те, с кем в жизни я сердечным,
 добрым был,
За все мое добро — благодарите маму.
Все те, кому в пути хоть раз я пособил,—
За все мое добро благодарите маму.

Все, кто листал не зря страницы книг
моих, —
За все мое добро благодарите маму,
Все те, кого хоть раз сумел согреть мой
стих, —
За все мое добро благодарите маму.

ЧЕРНЫЙ КОНЬ
УМИРАЕТ НА БЕЛОМ СНЕГУ

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.

По дорогам горячим
Нес он всадников вскачь,
Где бы ни было скачек,
Он не знал неудач.

Повидал он немало
Рек и склонов окрест.
Привозил он, бывало,
Тонкостанных невест.

Он летел по дороге,
Он спускался с горы,
Были тонкими ноги,
Были уши остры.

Черный конь погибает
От жилья вдалеке,
И слеза застывает
На печальном зрачке.

Сил своих он для дела
Никогда не жалел.
К цели мчаться умел он,
А петлять не умел.

Снег на склоны сползает,
Увядают цветы.
Черный конь погибает.
Жаль такой красоты.

Смерть поблажек не знает,
Всех сгибает в дугу.
Черный конь умирает
На белом снегу.

Облако стыло в небесной пустыне,
И в окружении скал
Пулей сражен был в дарьяльской
теснине
Я, словно князь Синодал.
Терек метался и плакал, печальный,
Так же, как в пору, когда
Лермонтов мчался над ним и опальный
Свет излучала звезда.
И прошептал я, увидев в зените
Месяц, окутанный тьмой:
— Люди, вы в бурку меня заверните
И отвезите домой.

Звал, но поблизости не было друга
С черною буркой в горах.
Кряжи родные вздымала округа,
Став надо мной в головах.

Мог я на них затуманенным взглядом
Глянуть в последний свой час.
Только и радость, что отчие рядом
Поднял вершины Кавказ.

Кровь моя капала в горную реку,
И, не прибегнув к письму,
Шапку свою завещал я Казбеку,
Сердце — Кавказу всему.

БАЛКАРСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Травы зеленые. Черные буйволы.
Желтый подсолнух. Ущелье. Река.
И вознесен над пирами и буднями
Камень, который похож на быка.

Связаны с вечностью узами кровными
Горные выси, где дремлет зима.
И с черепичными красными кровлями
В лозах шипучих толпятся дома.

Шапкой лицо вытирает усталое
Каменотес, прижимаясь к скале,
И ест, белозубый, яблоко алое
Мальчик, что едет верхом на осле.

Пыльный автобус дорогою давнею
Тянется в горы, дыша горячо.
А сокол на линию сел телеграфную,
Словно сокольничему на плечо.

Стадо спускается с горного пастбища,
Девушка полный проносит кувшин.
Буднично-буднично, празднично-
празднично
Льется прохлада со снежных вершин.

БЫКИ, ИДУЩИЕ В СУМЕРКАХ

Обагрены хребты наполовину,
А ниже — сумрак лег на их бока.
Неторопливо в горную теснину
В одной упряжке входят два быка.

Тень от утеса делается длинной,
Безмолвно царство каменных громад,
И, верные напевности старинной,
Колеса деревянные скрипят.

Идут быки. И словно в их обличье
Плоть валунов могучих ожила,
И, на рога наколотая бычьи,
Нависла над ущельем полумгла.

Еще заката не погасли угли,
И близится восшествие луны.
И влажные глаза быков округлы
И, чуть продолговатые, темны.

Дорога по ущелью неполога,
Утомлены двужильные быки.
И скрип колес, извечный, как дорога,
Исполнен благозвучья и тоски.

Идет аробщик в шапке и бешмете,
Пред ним быков качаются рога.
И между ними в сумеречном свете
Ему видны багровые снега.

Колеблются они, и угасает
Багрец заката на снегах вершин.
Лишь по привычке взгляд на них
бросает
Аробщик, миновавший Кара-Сын.

Вот за его согбенною спиною
Всплывает меднорогая луна.
И свет нездешний желтою волною
Льет на дорогу горную она.

И видит тучка, над ущельем свесясь,
Что там, где стали желтыми стога,

У каждого быка, как полумесяц,
Над головою светятся рога.

В свои ворота верно и степенно
Быки вступают. И среди двора
Для них, где льется сладкий запах сена,
Настала безъяремная пора.

БЫКИ, ИДУЩИЕ НА ЗАРЕ

В июле заря поднимается рано,
И, словно горянка, зардевшись, идет
Она босиком в багрянице тумана
По красным ступеням хуламских высот.

Пред нею быки поднимаются в гору,
Рассыпано солнце на мокрых лугах.
Кизилковый отсвет зари в эту пору
Подоблачно рдеет на бычьих рогах.

Багряными стали гранитные склоны,
Сочится гранатовый сок родников.
Две пурпурных, шитых зарею попоны
Легли на широкие спины быков.

И пусть в чистоте сбережет мое слово
Рассвет этот огненный, чьи мастера
Быков обрядили и отлили снова
Рога им из золота и серебра.

Дорога крута, но быки крепконоги,
И камни ущелья еще холодны.
Вся жизнь у быков проходила в дороге,
Поэтому версты быкам не страшны.

Какие б невзгоды тебе, мое слово,
Снести не пришлось, говори о добре.
Пусть все для тебя будет вечно и ново,
Как шествие горских быков на заре.

Ты камнем стал. Я не храбрюсь,
И мой придет черед
Лежать, не различать на вкус
Земную соль и мед.

Намочит вешний дождь траву,
Ударит в небе гром,
Нам ни во сне, ни наяву
Не мокнуть под дождем.

Мы матерей забудем, друг,
И смех детей в саду,
Прикосновенье женских рук,
Дававших нам еду.

Но что мы сделаем за век,
То смерти избежит.
Хоть на горе и тает снег,
Сама гора стоит.

Весны я не встречу однажды
Нисколько о том не скорбя,
И в зной не почувствую жажды,
В ручье не увижу себя.

Забуду о всех своих ранах
И с вечера до петухов
В ущелье о белых платанах
Шептать я не буду стихов.

И мне не услышать в ауле
Отзывчивой тонкой струны,
Ножом из арбуза в июле
Не вырезать красной луны.

Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Стряхнуть не смогу у дверей.

Забуду я, стар или молод,
Не будет ни ночи, ни дня,
И в самый убийственный холод
Присесть не смогу у огня.

Окажется, что не навеки
Мне были так щедро даны
И солнце, и тучи, и реки,
И добрые руки жены.

Я, преданный горным вершинам,
Обнять не смогу вышины...
Живые по этим причинам
Оплакивать мертвых должны.

На этой земле я был человек
Не лучше, не хуже других.
Зеленые травы и белый снег
Жили рядом в стихах моих.

Бросался я в волны холодных рек,
Слушал птицу и вьюги вой.
И мне, словно брату, кивал Казбек
Непокорною головой.

Я людям дарил на доброй земле
И песни и сердце свое.
Я равно любил на доброй земле
И розы ее и репье.

Любил людей, говоривших мне
«друг»,
Твердых твердостью этих скал,
И травы, мягкие мягкостью рук,
Которые я ласкал.

КЛИНОК И РОЗА

Где зелень пробивается сквозь камень
И на плечи ложатся облака,
Мне дорог розы красноватый пламень
И лунный блеск холодного клинка.

Родную землю просьбой беспокою,
Я говорю ей тихо: — Не забудь,
Когда умру, ты мне своей рукою
Клинок и розу положи на грудь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Огнев. О поэзии Кайсына Кулиева</i>	3
---	---

1935—1941

<i>Песенка горной речушки. Перевод Е. Елисеева</i>	27
<i>«Утро мне всего милее...» Перевод Е. Елисеева</i>	29
<i>Во дворе. Перевод Е. Елисеева</i>	30
<i>Снежок. Перевод Е. Елисеева</i>	31
<i>Мальчики и козлята. Перевод Н. Коржавина</i>	33
<i>В горах. Перевод Н. Тихонова</i>	34
<i>«Пускай меня любая спросит мать...» Перевод Д. Голубкова</i>	36
<i>«Утром, под солнцем весны золотая...» Перевод Д. Голубкова</i>	37
<i>Стихи, написанные весенним днем. Перевод Д. Голубкова</i>	38
<i>Слушая песню о девушке, которая бросилась в реку. Перевод В. Звягинцевой</i>	39

Мои соседи. Перевод Е. Елисеева	
1. Слепой столяр Кайсын	40
2. Фельдшер Петр Иванович	43
3. Кузнец Карабаш	44
4. Мельничиха Аминат	46
5. Бригадир Соллоу	47
6. Журнач Хажос	49
7. Сапожник Мухаммад	51
8. Ашуг Бекир	53
9. Учитель Борис Игнатьевич	55

1941—1945

«Сегодня стих мой — беспощадный бой...» Перевод М. Петровых	61
Жизнь, я твой сын. Перевод Д. Голуб- кова	62
Всегда гордился тем, что горец я! Пе- ревод Д. Кедрина	63
Земля моя. Перевод Д. Кедрина	66
Дедовский дом. Перевод Д. Кедрина	69
Слово сердца. Перевод М. Петровых	71
Самое дорогое. Перевод Л. Шифферса	74
Поэт на фронте. Перевод Л. Шиф- ферса	77
Сосны России шумят. Перевод Н. Кор- жавина	79
Поэты. Перевод Н. Коржавина	81
Перекоп. Перевод Н. Коржавина	
1. По следу героев	84
2. Нет воды	85
3. Свобода не умирает	86
4. Трудно!	87
5. Баллада о капитане Сааняне	88

6. Вперед!	90
Весна на фронте. Перевод В. Сикорского	
1. Трава	92
2. Кукушка	93
3. Коровы	94
4. Он любил жизнь	95
Родные дороги. Перевод Л. Шифферса	96
«Я после боя спал в соломе...» Перевод Н. Коржавина	98
«Война велика, бесконечны поля...» Перевод Н. Коржавина	99
«Далека ты. Снег идет...» Перевод Н. Коржавина	100
Девушке с Севера. Перевод В. Звягинцевой	101
«Лампочка из гильзы от снаряда...» Перевод Н. Коржавина	104
Цветы на фронте. Перевод Д. Кедрина	106
«Я в первый день войны жестокой...» Перевод Н. Коржавина	108
Жить! Перевод В. Державина	109
Жизнь, как бой, трудна. Перевод В. Державина	111

1945—1956

«Если радость придет, радость прими...» Перевод Н. Гребнева	115
Первой весной после войны. Перевод Д. Голубкова	116
Первым летом после войны. Перевод Е. Елисеева	118

Охотникам, заблудившимся в ущельях. Перевод Н. Коржавина	119
Над старой книгой горских песен. Пе- ревод Н. Тихонова	121
Ночная песня. Перевод Н. Гребнева	125
Вечерняя баллада. Перевод Н. Греб- нева	127
Горе. Перевод В. Сикорского	129
Гибель всадника. Перевод В. Сикор- ского	132
Говорю с дождем. Перевод Н. Тихо- нова	135
«Не плачь и постарайся, друг...» Пере- вод Н. Тихонова	139
Тень орла. Перевод Н. Тихонова	140
«Как только ночь, полет прервав, са- дится...» Перевод Н. Тихонова	142
«Как пахнет трава на родимой зем- ле...» Перевод Н. Тихонова	143
«В землях многих как друг я, скитаясь, был...» Перевод Н. Тихонова	144
Ласточка. Перевод Е. Елисеева	145
Дочери гор. Перевод В. Звягинцевой	146
«Так мало дней отпущено нам всем...» Перевод В. Звягинцевой	147
«Когда-нибудь и я, как все, умру...» Перевод Е. Елисеева	149
Поэт и горы. Перевод Н. Коржавина	150
Сыну. Перевод Н. Коржавина	155
Березка. Перевод Д. Голубкова	157
Хлеб и роза. Перевод Д. Голубкова	159
Киргизская дорожная песенка. Пере- вод Е. Елисеева	160
Молчание. Перевод Н. Коржавина	162

Рисунок к заглавию. Перевод Н. Коржавина	163
Мое слово. Перевод Н. Коржавина .	166
Огонь очага. Перевод Н. Коржавина	168
Я с гор пришел. Перевод Н. Гребнева	171
Стихи, написанные в день рождения. Перевод Н. Гребнева	173

1956—1964

«Когда с обидой и печалью...» Перевод Я. Козловского	179
«Я, над раненым камнем склонясь, горевал...» Перевод Н. Коржавина...	180
Воспоминания. Перевод С. Липкина	182
Стихи, сказанные зимним вечером. Перевод С. Липкина	185
«Пусть утес не достигает облака...» Перевод Н. Гребнева	192
«Ценю я с нежностью и строгостью...» Перевод Я. Козловского	194
«Не я ль ревел подранком-туром...» Перевод Н. Гребнева	195
«Когда бы горцам, молодым и старым...». Перевод Н. Гребнева . .	196
«Путь мой был труднее с каждым днем...» Перевод Н. Гребнева . .	197
«Чужой бедою жить не все умеют...» Перевод Н. Гребнева	198
Жить, удивляясь. Перевод Н. Гребнева	199
«Порою смысл в надгробной речи есть ли...» Перевод Я. Козловского	201

«Охотник, волку в пасть втолкнув кинжал...»	Перевод Н. Коржавина	202
Дрова.	Перевод Н. Коржавина . . .	204
Молния.	Перевод Н. Коржавина . .	206
«Года уходят навсегда...»	Перевод Н. Гребнева	208
Покоя нет.	Перевод Н. Гребнева . .	209
«Кремень — кремень, и только...»	Перевод Н. Гребнева	210
«Вдали снега подернуты туманом...»	Перевод Н. Гребнева	211
«Земля поглотит все. В ее утробе...»	Перевод Н. Гребнева	213
Старинная заповедь.	Перевод Н. Гребнева	214
«Где-то стонет женщина вдали...»	Перевод Н. Гребнева	215
«Порой и туры чахнут и болеют...»	Перевод Н. Гребнева	216
«Издревле люди в страхе и смятенье...»	Перевод Н. Гребнева . .	217
Гроза.	Перевод Н. Гребнева . . .	218
«Был пахарем, солдатом и поэтом...»	Перевод Н. Гребнева.	220
Глаза матерей.	Перевод Н. Гребнева	221
«Лишь мертвые не ведают тревог...»	Перевод Н. Гребнева	222
«Ты скажи на милость, человек...»	Перевод Н. Гребнева	223
«Все было! Дни удач и дни невзгод...»	Перевод Н. Гребнева	224
«На земле, и солнечной и снежной...»	Перевод Н. Гребнева	226
Иней.	Перевод Я. Козловского . . .	227

«Новый год, как с добычей охотник...»	
Перевод Я. Козловского	230
«Не знаю, был ли хлеба я достоин...»	
Перевод Н. Гребнева	232
«Уснуло ущелье ночное...»	
Перевод Н. Коржавина	233
«Защелкали волки клыками, взрыва- вая...»	
Перевод Н. Коржавина	234
«Я помню: и снег был черный...»	
Перевод Н. Коржавина	235
«Я люблю самоотверженность и сме- лость тура...»	
Перевод Н. Коржавина	236
«Да, раны, нанесенные любовью...»	
Перевод Н. Коржавина	238
«Зловещие слова — Майданек, Бухен- вальд...»	
Перевод Н. Коржавина	239
«На горы выпал первый снег...»	
Перевод Н. Коржавина	240
«Моря и океаны. Я немало...»	
Перевод Н. Коржавина	242
«Право же, трудно и мне...»	
Перевод С. Липкина	243
«Растет ребенок плача» — есть по- словица...»	
Перевод С. Липкина	244
«В мой легкий день я буду вспоми- нать...»	
Перевод С. Липкина	245
«Всегда, мой друг, наглядна высота...»	
Перевод Я. Козловского	246
«Следы ранений на камнях видны...»	
Перевод Я. Козловского	247
«Когда глядите сквозь листву ольхи...»	
Перевод Я. Козловского	248

«Качаешь ты грустно гнездо позабы- тое...» <i>Перевод Я. Козловского</i> . . .	249
«Умеет выбрать истинный стрелок...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	250
«Дороге в грудь спокон веков...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	251
Я мог бы сражаться в Мадриде. <i>Пе- ревод М. Дудина</i>	252
«Кто может выгоде в угоду...» <i>Пере- вод Н. Гребнева</i>	254
«Кто б ты ни был, будь готов в доро- гу...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	255
Поэзии. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	257
«Все дороги, все тропы земли...» <i>Пере- вод Н. Гребнева</i>	259
Бетховен. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	261
Играют Шопена. <i>Перевод Н. Коржа- вина</i>	263
«Тревога сердца озадачит...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	266
«Был снег пушистым, словно кро- лик...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	268
Горные вершины. <i>Перевод Я. Козлов- ского</i>	270
Бешмет. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	272
«За все мои грехи и заблужденья...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	273
Танец. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	274
Предки мои. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	276
Прометей. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	278
Эльбрус. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	280
«Любой навет заранее приемлю...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	282
«Я знаю вкус меда и соли твоей...»	

Перевод Н. Гребнева	283
Песня сухой чинары. Перевод Н. Гребнева	284
«Ветер кажется белым-белым...» Пе- ревод С. Липкина	287
«Будь я живописцем, там, на скалах...» Перевод С. Липкина	288
Надпись на книге Кязима Мечиева Перевод С. Липкина	289
«Не пни вековые на выжженных скло- нах...» Перевод Н. Гребнева	291
Обвал. Перевод Н. Гребнева	292
Руки горца. Перевод Н. Гребнева	294
Наши дороги. Перевод Н. Гребнева	297
У очага. Перевод Я. Козловского	300
«Тучи клубятся, по склонам кочуя...» Перевод Я. Козловского	302
Кинжал. Перевод Я. Козловского	303
Осень в Нальчике. Перевод Я. Коз- ловского	306
Я вернулся с гор. Перевод Я. Козлов- ского	308
В дороге. Перевод Я. Козловского	310
Песенка. Перевод Н. Коржавина	312
Зимой в Терсколе. Перевод Н. Кор- жавина	314
Ночь свадьбы. Перевод Н. Коржавина	316
Снегопад в горах. Перевод Н. Коржа- вина	320
Ученому языковеду. Перевод С. Лип- кина	322
Камень. Перевод С. Липкина	325
В Хуламском ущелье. Перевод С. Лип- кина	328

В ночном ущелье. Перевод С. Липкина	331
Идущим на помощь. Перевод Н. Коржавина	334
Люди моей земли. Перевод Я. Козловского	337
«Кто-то песню ту же самую...» Перевод Я. Козловского	339
Больной мальчик. Перевод Я. Козловского	340
«Льет дождик, и капли стучат по стеклу...» Перевод Н. Гребнева .	342
Мотылек. Перевод Н. Гребнева . .	343
Когда я увидел тебя. Перевод Н. Гребнева	344
Песня, подаренная девушкам. Перевод Н. Гребнева	346
«Я тебе такую боль нанес...» Перевод С. Липкина	348
«Живем с тобою, каждый день и час...» Перевод С. Липкина	349
«И я причинял вам, о женщины, горя немало...» Перевод С. Липкина .	350
«Солдат от боли умер до заката...» Перевод Я. Козловского	352
Тихие стихи. Перевод Н. Коржавина	353
«Идет спокойный снег. Весь день брожу, вдыхая...» Перевод Н. Коржавина	362
«Я тебя вспоминал у Адайских высот...» Перевод М. Дудина . . .	364
«Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» Перевод Н. Гребнева . .	366
Тень горы. Перевод Н. Коржавина .	368
Соловьи. Перевод Н. Коржавина . .	369

Симону Чиковани. <i>Перевод М. Дудина</i>	371
«Я вижу, мама, день весенний...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	374
Памяти матери. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	376
Черный конь умирает на белом снегу. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	388
«Облако стыло в небесной пустыне...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	390
Балкарский пейзаж. <i>Перевод Я. Козловского</i>	392
Быки, идущие в сумерках. <i>Перевод Я. Козловского</i>	394
Быки, идущие на заре. <i>Перевод Я. Козловского</i>	397
«Ты камнем стал. Я не храбрюсь...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	399
«Весны я не встречу однажды...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	401
«На этой земле я был человек...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	403
Клинок и роза. <i>Перевод Я. Козловского</i>	404

Кайсын Шуваевич
Кулиев
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Редактор *А. Кафанов*
Художественный редактор
Г. Кудрявцев
Технический редактор
О. Ярославцева
Корректор *А. Новикович*

Сдано в набор 1/IV 1966 г.
Подписано к печати 26/X 1966 г.
Бумага типогр. № 1. 60×84¹/₃₂.
13 печ. л, 12,13 усл. печ. л. 7,98+
+1 вкл.=8,03 уч.-изд. л. Тираж 30 000.
Зак. 725. Цена 60 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Октябрь»
Комитета по печати при Совете
Министров УССР,
Киев, Артема, 23 а.